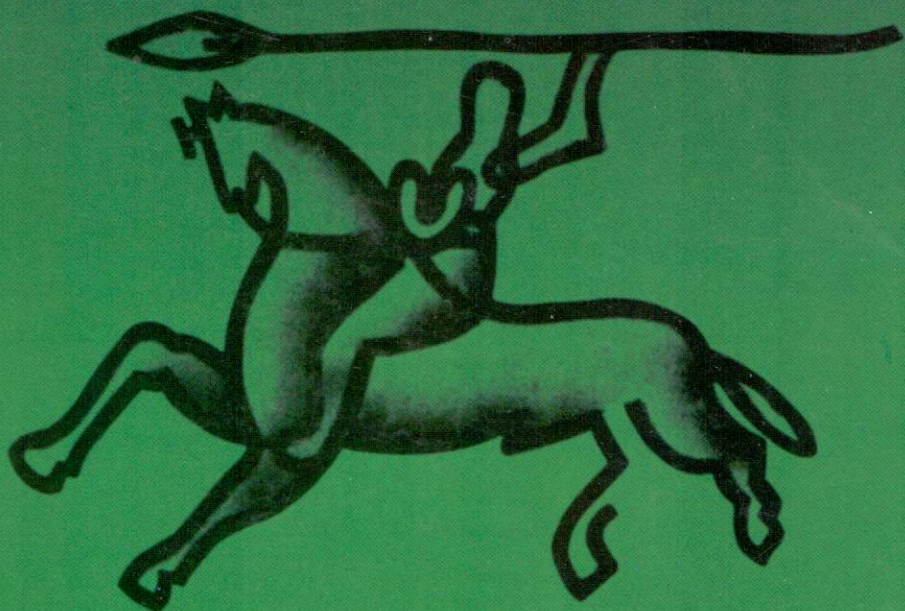

ПРОБЛЕМИ
НА
ПРАБЪЛГАРСКАТА
ИСТОРИЯ
И КУЛТУРА

4-1

НАЦИОНАЛЕН АРХЕОЛОГИЧЕСКИ ИНСТИТУТ С МУЗЕЙ НА БАН
ФИЛИАЛ ШУМЕН

РЕГИОНАЛЕН ИСТОРИЧЕСКИ МУЗЕЙ – ВАРНА

ПРОБЛЕМИ НА ПРАБЪЛГАРСКАТА ИСТОРИЯ И КУЛТУРА

4-1

СБОРНИК В ПАМЕТ НА
СТ.Н.С. I СТ. Д. И. Н. ДИМИТЪР ИЛ. ДИМИТРОВ

ДОКЛАДИ ОТ ПЕТАТА МЕЖДУНАРОДНА СРЕЩА
ПО ПРАБЪЛГАРСКА ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ,
ВАРНА, 22–24.04.2004 г.

СОФИЯ, 2007

РЕДКОЛЕГИЯ:

ст. н.с. I ст. д.и.н. Рашо Рашев (отговорен редактор)

ст. н.с. д-р Павел Георгиев

ст. н.с. д-р Живко Аладжов

н.с. I ст. д-р Янко Димитров (секретар)

ст. н.с. д-р Валери Йотов (асоцииран член)

ст. н.с. д-р Валерий Сергеевич Фльоров (Москва) (редактор на текстовете на руски език)

ISSN: 1313-4248

ТОМЪТ СЕ ИЗДАВА С ФИНАНСОВИ СРЕДСТВА ОТ:

- НАЦИОНАЛЕН АРХЕОЛОГИЧЕСКИ ИНСТИТУТ С МУЗЕЙ НА БАН – СОФИЯ
- РЕГИОНАЛЕН ИСТОРИЧЕСКИ МУЗЕЙ – ВАРНА

Димитър Ил. Димитров

1927-1988

СЪДЪРЖАНИЕ

ЧАСТ ПЪРВА

БЪЛГАРИ И ХАЗАРИ В ИЗТОЧНА ЕВРОПА ПРЕЗ VII–X В.

Рашо Рашев. Димитър Ил. Димитров – изследовател на прабългарската култура.....	5
Алексей В. Богачев. О времени прихода болгар на Среднюю Волгу	15
Aleksey V. Bogachev. About times when bulgarians arrived at Middle Volga	22
Рашо Рашев. Болгары и хазары в VII веке	23
Rasho Rashev. Bulgares et khazares en VII-eme siècle	34
Алексей В. Комар. Что такое “пастырская культура”?	35
Aleksey V. Komar. What is Pastyrskа culture?.....	52
Валерий С. Флёров. „Города” Хазарии. Что это такое?	53
Valeri Florov. “Les villes” de Khazarie. Qu’est-ce que c’est?	76
Константин И. Красильников. Этнопроцессы в среде праболгар степного Подонцовья.....	77
Konstantin I. Krasilnikov. The ethno processes amidst protobulgarians at the steppe Don river area	90
Евгений Круглов. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени	91
Evgeniy Kruglov. Hazarian period complex components bows of Eastern Europe.....	124
Мурад Магомедов. Древнее болгарское (берсильское) царство на Северном Кавказе.....	125
Murad Magomedov. Über ein altes bulgarisches (bersilisches) Zarenreich in Nordkaukasus.....	140

Агоп Гарабедян. Някои хипотези относно произхода на българските етноними в “Ашхарацуйца”.....	141
Agop Garabedyan. Some hypotheses about the origin of Bulgarian ethnonyms in “Ash’harazuiza”	150
Вадим Майко. Территориальные группы праболгарских памятников Таврики VII – первой половины X вв.	151
Vadim Mayko. The territorial groups of the protobulgarian monuments in tavriky in first half of the 10 th century.....	166
Эдуард Кравченко. Городища среднего течения Северского Донца.....	167
Eduard Kravchenko. Fortified Settlements of Medium Reaches of Seversky Donets	205
Сергей Zubov. Элементы социальной стратификации дружинных погребений праболгар на Средней Волге	207
Sergey Zubov. Elements of social stratification of retinue tombs of protobulgarians in the Middle Volga Region	212
Риза С. Багаутдинов. Христианство, ислам и ранние болгары	213
Riza S. Bagautdinov. Christianity, Islam and the early Bulgarians	220
Наталья Аксенова. Этническая принадлежность погребений по обряду кремации в среде салтово-маяцкой культуры (на примере биритуальных могильников)	221
Natalia Aksenova. Regarding the origin of the dead bodies incineration in the Saltov cultural environment.....	232
Виктор Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев. Тюрко-българские памятники Восточного Крыма в конце VII – середине X вв.....	233
Victor N. Zin’ko, L. Yu. Ponomarev. Turkic-Bulgarian Monuments in the Eastern Crimea at the End of the 7 th – the Beginning of the 10 th Century	254
Людмила Красильникова. Жилища и семьи праболгар салтовской культуры Степного Подонцовья	255
Ludmila Krassilnikova. Les habitations et les familles des arrière-Bulgares de la culture Saltovo-Mayatskaga des steppes du Bassin de Doniets.....	266
Андрей Аладжов. Византийският град и българите на Кримския полуостров	267
Andrej Aladzhov. The byzantine town and bulgarians at the Crimean peninsula.....	276
Владимир Колода. Железопроизводство болгарских племён Северного Причерноморья.....	277
Vladimir Koloda. The Iron Production of the Bulgarian Tribes in the Northern Black Sea Littoral	294

Владимир Я. Петрухин. Хазарская и варяжская дань: к истории Восточной Европы в IX в.	295
Vladimir Ja. Petrukhin. Khazarian and Varangian tribute: the history the Eastern Europe in the 9 th century	311
Анатолий З. Винников, В. А. Сарапулкин. Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры лесостепного Поосколья	313
Anatolij Vinnikov, V. Sarapulkin. Necropoles de la culture saltovo-mayatskoy á Pooskole	332
Александр А. Тортика. Особенности этносоциальной организации алано-болгарского населения Подонья-Придонецья в хазарское время (VIII–X вв.)	333
Alexsander A. Tortika. Features of ethnic-social organization of the alano-bulgarian population of Podonie-Pridonechie in khazar's period (8 th –10 th century)	354
Злата А. Львова. Этапы становления иудаизма в Хазарском каганате. Данные болгарской летописи Гази-Барадж тарихы (1229–1246)	355
Zlata A. Lwowa. Etappen in der Einführung des Judäismus in das Chasarische Kaganat. Nach Angaben aus der bulgarischen Chronik ГАЗИ-БАРАДЖ ТАРИХЫ (1229–1246)	370
Виктор С. Аксенов. Погребальный обряд могильника Сухая Гомольша	371
Viktor S. Aksenov. Interment Ceremony of Sukhaya Gomolsha Cemetery	402
Геннадий Свистун. Строительный материал и типология городищ салтовской лесостепи	403
Genadij Svistun. The building material and settlement typologies of the Saltov forest-steppe	416
Дмитрий А. Сташенков. О хронологическом соотношении двух памятников раннеболгарского времени в среднем Поволжье	417
Dimitrij A. Stashenkov. About a chronological parity of two archeological sites early bolgarian period on the Middle the Volga region	444
Татьяна Яшаева. Храм христианизированных “салтовцев” в предместье Херсона	445
Tatiana Yashaeva. Temple des “saltovci” christianisés aux environs de Herson	452
Анна Кочкина. О традициях и традиционности в декоре круговой керамики волжских болгар	453
Anna F. Kochkina. About traditions and traditional character in the decor of circular ceramics volga bulgarians	460

Наталья Медведенко. Болгары и Хазарский каганат в исследовании	
М. И. Артамонова (дискуссии 50-х гг. XX в.)	461
Natalya Medvedenko. Bulgarians and Khazar khaganate in the studies of M. I.	
Artamonov (discussion – fifty years of 10 th century).....	470
Бронислава Б. Овчинникова. Средневековый храм в поселке Лoo,	
город Сочи	471
Bronislava Ovtshinnikova. Über einen mittelalterlichen Tempel	
in der Siedlung Loo bei Sotschi	476

СЛОЖНОСОСТАВНЫЕ ЛУКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ

ЕВГЕНИЙ КРУГЛОВ (ВОЛГОГРАД, РОССИЯ)

Традиционный принцип классификации остатков древних сложносоставных луков основан на простом учете количества сохраняющихся роговых накладок. Однако, во-первых, во многих случаях луки были произвольно сломанными еще в древности и их остатки уже изначально являлись неполными. Во-вторых, археологи имеют дело только лишь с жесткими роговыми оленьими накладками, тогда как пластины из эластичного бычьего рога практически никогда и не сохраняются. Следовательно, число накладок – признак, слишком зависимый от большого количества случайных условий, степень воздействия которых учесть практически невозможно. По существу, этот признак может учитываться для понимания лишь того оружия, комплектность остатков которого может быть реально доказана.

Принципиально иной метод классификации сложных луков разработал венгерский этнограф К. Шебештьен (Sebestyén 1930). Основные различия оружия исследователь определял не по количеству роговых накладок, а по специфическим особенностям их изготовления и крепления к кибити. На материалах Восточной Европы в наше время этим методом активно пользовались А. М. Савин и А. И. Семенов (Савин, Семенов 1989; 1990; 1991; 1992a, b, c; 1995; 1997; 1998; 1999; Семенов 1996). Они выделили и кратко охарактеризовали несколько технологически различных конструкций сложносоставных луков раннего средневековья – “аварскую”, “гунно-болгарскую”, “хазарскую”, “салтовскую”, “венгерскую”, “позднеаланскую”, “печенежскую” (рис. 1/1, 2). Этнические наименования, введенные исследователями в научный оборот, следует рассматривать как указание на возможную взаимосвязь выделенных конструкций оружия с историческими эпохами, в которых те или иные этносы доминировали или потенциально могли доминировать. К сожалению, после трагического исчезновения А. И. Семенова дальнейшая разработка данного вопроса приостановилась. В результате, даже в одном из ныне наиболее значительных работ по археологии восточноевропейских степных кочевников V–VIII вв. (Рашев 2004) сложносоставному луку оказалось посвящено менее одной страницы.

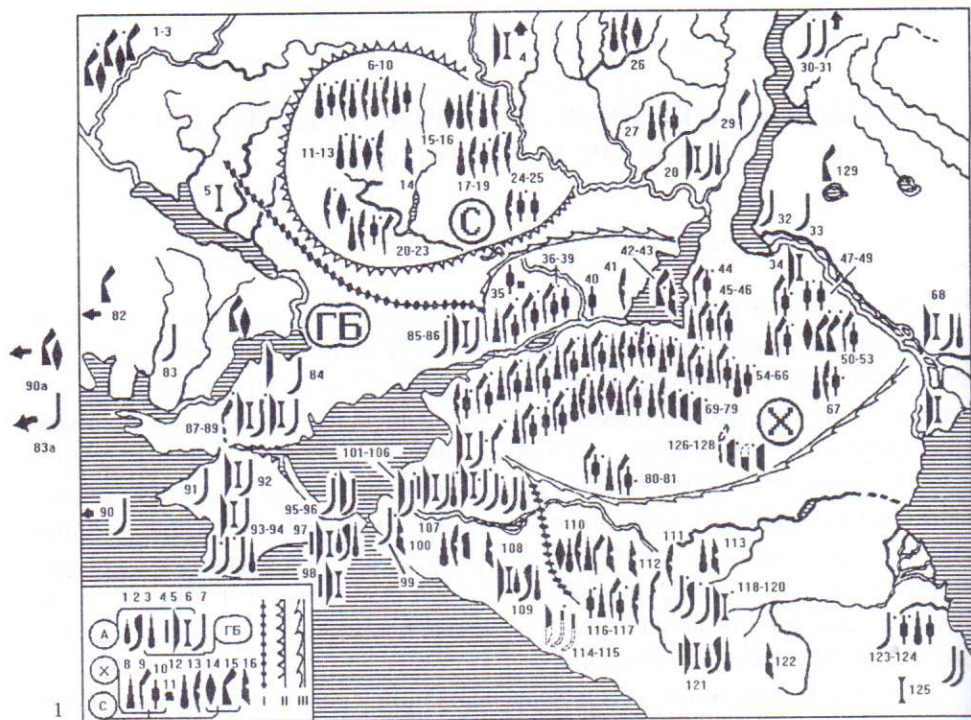
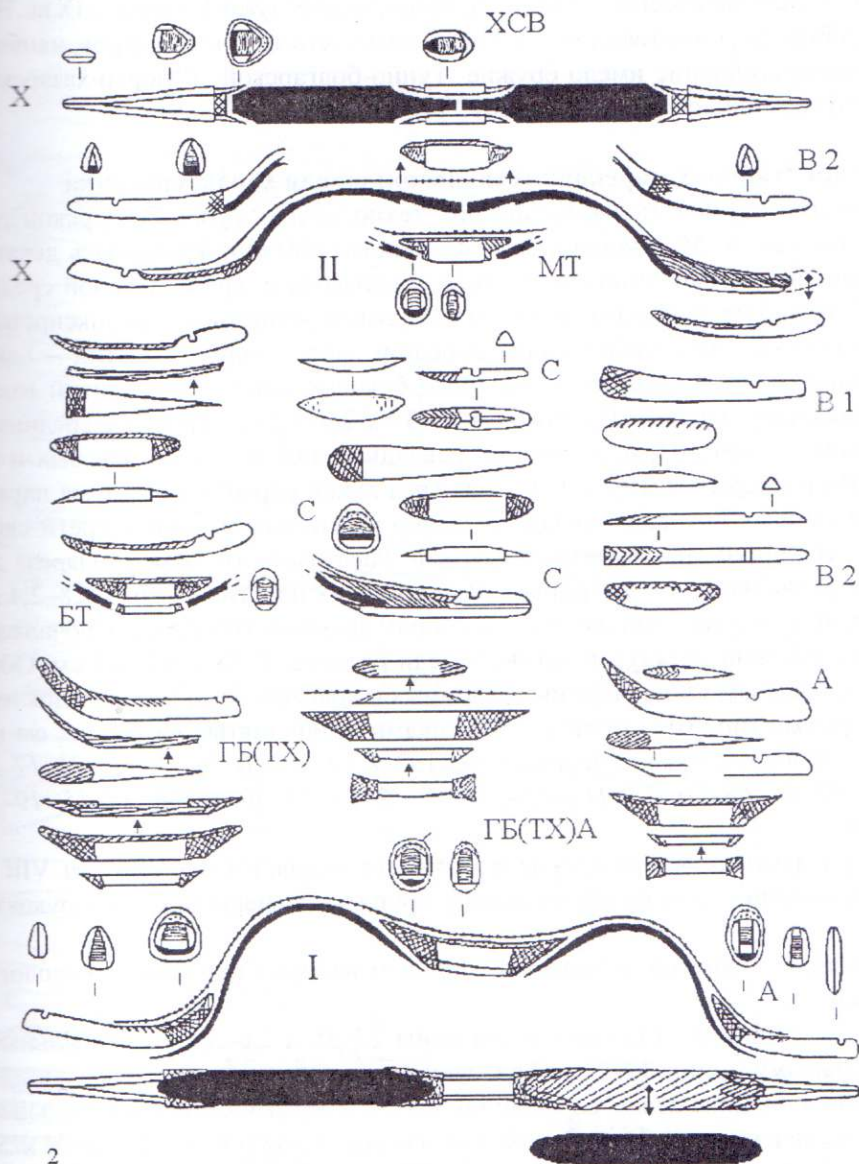

Рис. 1.1. – Ареалы распространения основных типов сложносоставных луков в степях Восточной Европы во 2-й пол. VII–IX вв. (Савин, Семенов 1998): ГБ – “гунно-болгарский” (“тюрко-хазарский”); С – “салтовский”; Х – “хазарский”. Типология обкладок: 1 – фронтальная концевая; 2, 7, 9, 15, 16 – концевая боковая; 3, 8, 12 – тыльная концевая; 4 – фронтальная рукояти; 5, 10, 14 – боковая рукояти; 6, 11 – тыльная рукояти; 13 – фронтальная концевая (челнок). А – “аварские”; 15 – “венгерские”; 16 – “позднеаланские”

2

Рис. 1.2. – Технологические линии развития сложносоставных луков Восточной Европы 2-й пол. VII–IX вв. (Савин, Семенов 1997). I – “гунно-болгаро-аварская” (“тюрко-хазаро-аварская”). Способы и схемы сборки оружия: А – “аварская”; ГБ(ТХ) – “гунно-болгарская” (“тюрко-хазарская”).

II – “хазаро-салтово-венгерская” линия. Способы и схемы сборки оружия:

X – “хазарская”; С – “салтовская”; В – “венгерская”, варианты 1 и 2.

BT – лук из Боротала, МТ – лук из Монгун-Тайги

Из общего количества остатков сложносоставных луков V – начало IX вв. Восточной Европы, в настоящее время превышающего 150 экземпляров, наибольшее распространение имело оружие “гунно-болгарской” (“тюрко-хазарской” по моей терминологии) и “хазарской” технологий.

Луки “тюрко-хазарской” технологии: общая характеристика

Кибить оружия тюрко-хазарской” технологии (“гунно-болгарской”, по терминологии А. М. Савина и А. И. Семенова) обычно укреплялась девятью жесткими роговыми пластинами: двумя боковыми и одной тыльной срединными, четырьмя боковыми и двумя тыльными концевыми. Зафиксированы единичные случаи использования передних фронтальных пластин – одной срединной и двух краевых. Срединные боковые накладки рукоятей имели трапециевидную форму. Их размеры 20–35 x 2,6–3,2 см. Тыльные срединные пластины, полуовальные в сечении, накладывались на торцы боковых и кибить. Их размеры 10–21 x 1,1–1,4 см. Края луков укреплялись двумя парами ассиметричных боковых накладок, плавно изогнутых в нижней трети своей длины. Внешний край пластин округлый. Расстояние от края до выреза для тетивы равно наибольшей ширине. Размеры этих пластин 21–30 x 1,8–2,4 см. Концевые тыльные клиновидные накладки, функция которых заключалась в противодействии натянутой тетиве, имели размеры 8–28 x 0,2–2,7 см. Обращенные к плечам узкие стороны срединных и краевых боковых накладок имели покрытые тонкими сетчатыми насечками приподнятые на 0,1–0,2 см над остальной частью края-площадки (рис. 1; 3/9–14, 16–20, 50–57; 4/1–11, 17–25, 45–47, 62–65, 67–70, 77, 116–123; 5/3–7, 12–15, 27–30; 6/4–6, 14–15, 19–26; 7/8–10).

Период использования оружия этого типа определяется сер. VII – нач. VIII вв. При типологии его остатков за основу приняты размеры накладок рукоятей луков.

Группа А. Оружие, обладающее полным набором признаков технологии (эталонное).

1. Со срединными боковыми (размеры 27–35 x 2,6–3,2 см) и тыльными фронтальными (длина 19–21 см) пластинами-накладками.

1. Полнокомплектные: со срединными и концевыми боковыми, тыльными срединными и концевыми: а. С четырьмя накладками рукояти (Лебеди-IV, к. 5)*; б. С тремя накладками (Авилковский, к. 1; Матюхин Бугор, п. 12; Ново-Биккинский, к. 1; Сивашовка, к. 2 п. 1; Таганский, п. 2; Танаис, 1964 г.; Христофоровка, к. 7 п. 12). 2. Частичнокомплектные: а. Со срединными и концевыми боковыми и одной срединной тыльной (Восточномалайский-II, к. 1 п. 12; Комсомольский, п. 12; Рисовое, к. 13 п. 12); б. Со срединными и концевыми боковыми (Стари-

* Упомянуты опубликованные или готовящиеся к публикации памятники.

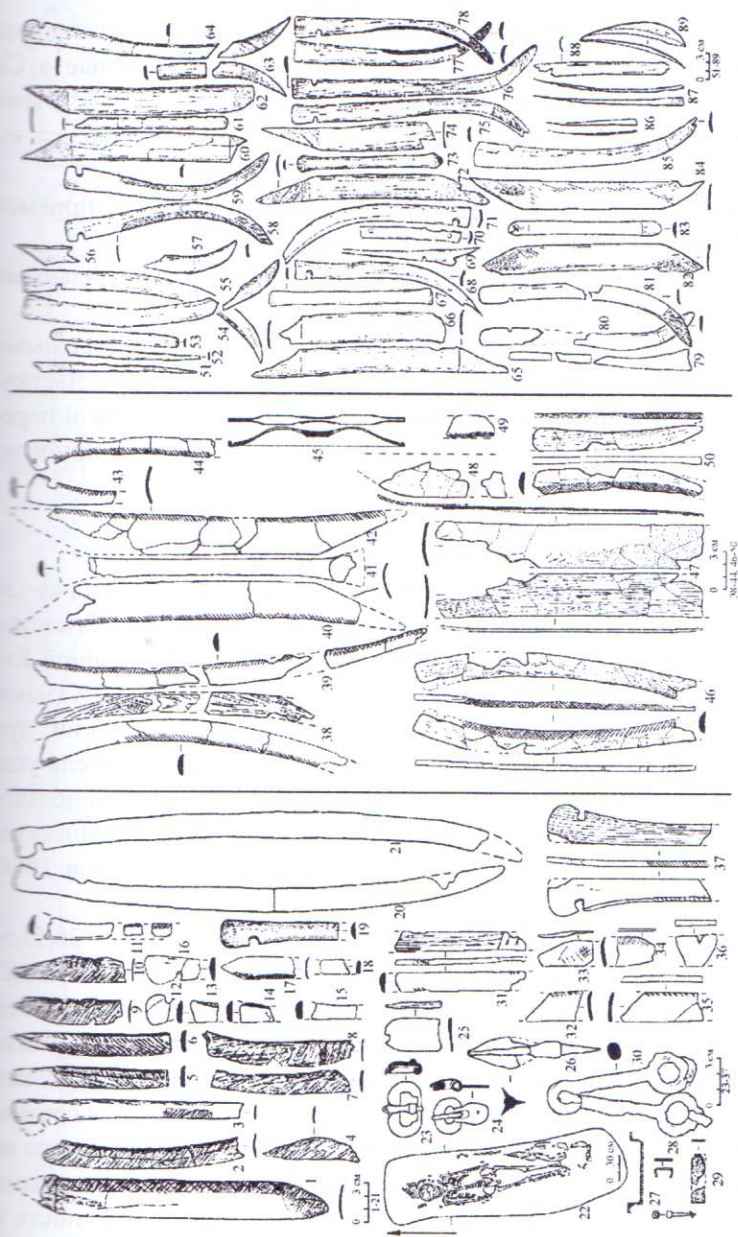

Рис. 2. 1-10 — Кызыл-Адыр (Засецкая 1994); 11 — Энгельс (Покровск), к. 17 (Засецкая 1994); 12-18 — Энгельс (Покровск), к. 18 (Засецкая 1994). 19 — Тиритака (Мелведев 1966); 20-21 — Кубей, к. 8 п. 2 (Засецкая 1994); 22-37 — Царев, к. 66 п. 2 (Мыськов 1993); 38-45 — Усть-Альминский могильник, погребение кочевника из склепа 635 (38-44 — Пуздровский и др. 1999; 45 — реконструкция автора); 46-50 — Западные могилы, к. 19 (Скворцов 1999); 51-57 — Алтынасар 4 ж, к. 165; 58-64 — Алтынасар 4м, к. 261; 65-71 — Алтынасар 4д, к. 256; 72-78 — Алтынасар 4д, к. 190; 79-89 — Алтынасар 4т, к. 488 (Левина 1996; 80-81 — изменены автором)

ца, к. 7 п. 8); в. Со срединными боковыми и тыльной (Виноградное, к. 35; Красногородка-III, к. 14 п. 2).

II. Луки с неопределенными в размерах накладками рукояти.

1. Полнокомплектные: со срединными и концевыми боковыми, тыльными срединными и концевыми (Виноградное, к. 5). 2. Частичнокомплектные: а. Со срединными и концевыми боковыми (Верхнепогромное-I, к. 1 п. 12); б. С концевыми боковыми (Ильичевское, сл. н.; Калининская, к. 30 п. 3; Манас, сл. н.; Чир-Юрт, грунтовый могильник, п. 19).

Группа Б. Луки с использованием отдельных конструктивных приемов “тюрко-хазарской” технологии (модифицированные).

I. Со срединными боковыми (размеры 19–21 x 2,6–3 см) и тыльными фронтальными (длина 10–14 см) роговыми накладками.

1. Полнокомплектные: со срединными и концевыми боковыми, тыльными срединными и концевыми (Клин-Яр III, кт. 29; Манянский-I, п. 1). 2. Частичнокомплектные: а. Со срединными боковыми, концевыми тыльными и передними (Сидоры, к. 34); б. С боковыми и фронтальной срединными (Жирноклеевский, к. 6); в. С боковыми срединными (Новинки-II, к. 17).

Луки “тюрко-хазарской” технологии и оружие V–VI вв.

Предложение А. М. Савина и А. И. Семенова именовать луки “тюрко-хазарской” технологии “гунно-болгарскими” отражало взгляды А. М. Хазанова, полагавшего, что дистанционное оружие кочевого населения Восточной Европы хазарского времени восходит к оружию I в. до н.э. – IV в. н.э. (Хазанов 1966, 38). При этом, А. М. Хазанов всегда отмечал, что термин “гуннский” лук можно употреблять лишь условно и в самом общем виде. Исследователь указывал на непостоянное количество, устройство и месторасположение использовавшихся роговых накладок и значительную конструктивно-технологическую вариабельность остатков оружия дальнего боя I-го тыс. н.э. (Хазанов 1966, 40–41; 1971: 32–33).

Луки V–VI вв. (рис. 2/1–20, 31–50) (Alföldi 1932, 19; Засецкая 1994, 35–36; Пудровский и др. 1999, 200–201) и оружие 2-й пол. VII – нач. VIII вв. “тюрко-хазарской” технологии различаются между собой не только по количеству, местоположению и размерам используемых роговых пластин, но и по принципиальным технологиям их изготовления и характеру крепления. Кибить луков V–VI вв. укреплялась семью роговыми пластинами – двумя парами концевых боковых и тремя срединными, двумя боковыми и одной тыльной. Концевые тыльные в это время еще не применялись, а концевые боковые были почти прямыми или слегка дуговидными и имели длину около 39 см. Для них была характерна большая массивность и наличие специфического трапециевидного расширения внешнего края. На плечевых краях приподнятые площадки для насечек отсутствуют, а сами на-

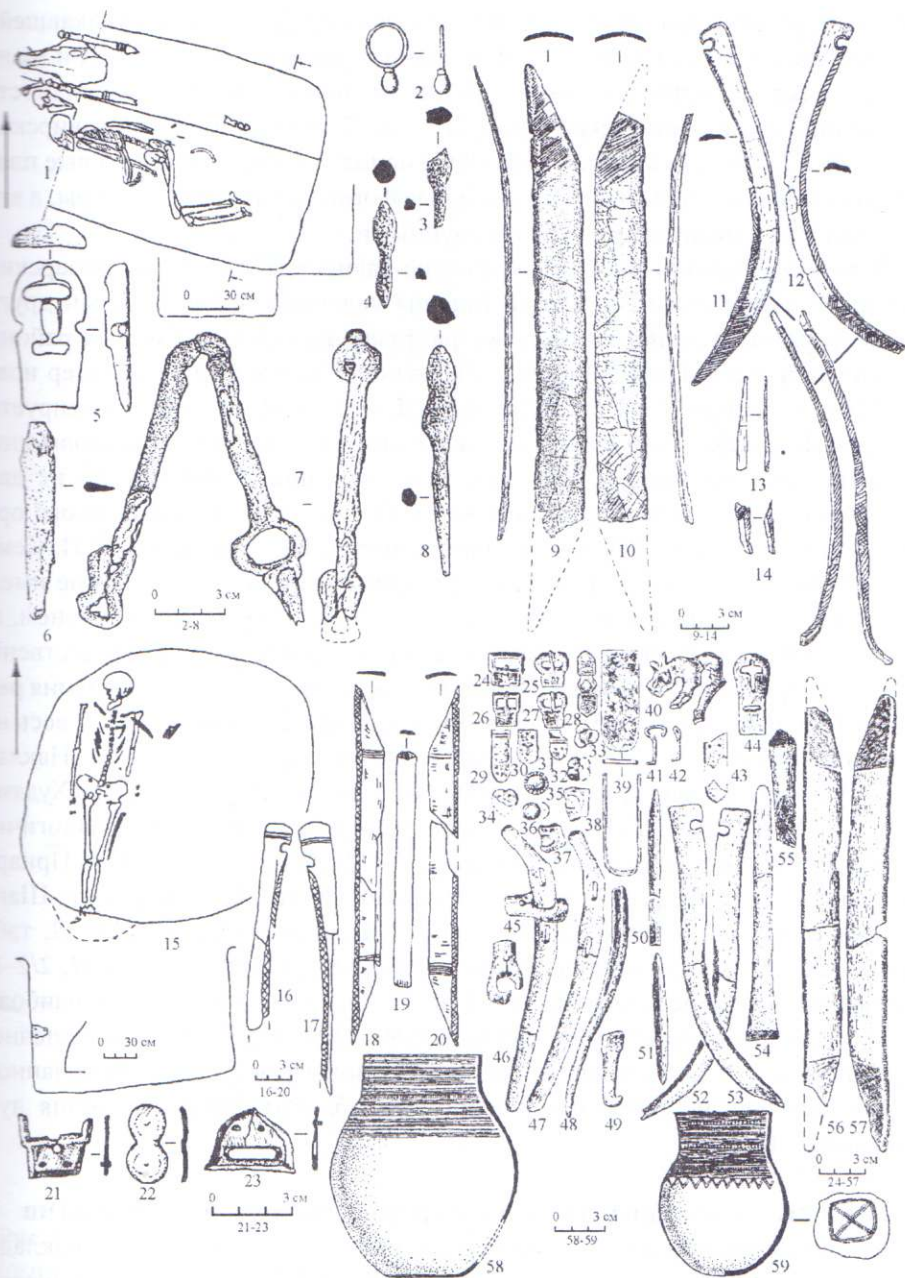

Рис. 3. 1-14 – Комсомольский, грунтовый могильник, п. 12 (Плахов 1988);
 15-23 – Рисовое, к. 13 п. 12 (Щепинский, Черепанова 1969; Баранов 1990);
 24-59 – Ново-Биккинский курган (Мажитов 1977; 1981)

сечки покрывали лишь часть поверхности, непосредственно примыкавшей к боковым фронтальным граням. Существенные различия выявляются и на накладках рукоятей, причем у луков V–VI вв. выделяются две их разновидности, собственно “гунно-сарматская” (рис. 2/9–10, 17, 33–34) и “огуро-савирская” (рис. 2/40–42, 47–48), (Круглов 2003). Обе использовали тонкие роговые пластины-накладки, но первые имели овальные формы и меньшие размеры, а вторые были трапециевидными и более крупными.

В целом, “гунно-сарматские”, “огуро-савирские” и “тюрко-хазарские” сложносоставные луки Восточной Европы являются не связанными друг с другом формами военного искусства, развивающегося в глубинных районах Центральной Азии. Появление их в Восточной Европе имело характер новации. Между луками V–VI вв. и 2-й пол.VII – нач.VIII вв. четко фиксируется конструктивно-технологический и хронологический вакуум не позволяющий говорить о непрерывном и поступательном местном развитии. Это не дает права использовать для именованя восточноевропейского стрелкового оружия 2-й пол. VII – нач. VIII вв. предложенный А. М. Савиным и А. И. Семеновым термин – “гунно-болгарский” лук. Оружие этой технологии не имело прямой генетической связи не только с “гуннами” и гуннским временем, но даже и с “болгарами” эпохи Кубрата. Ареал его распространения существенно выходит за пределы Восточного Приазовья, основной области расселения ранних протоболгар. Данное оружие аккумулировало в себе практически весь наработанный к сер. VII в. опыт изготовления сложносоставных луков. Накладки их рукоятей близки оружию кокельской культуры I–V вв. Тувы (Худяков 1986, 64–68, 85, рис. 22–24, 34). Концевые боковые пластины аналогичны некоторым накладкам луков джетысарской культуры Восточного Приаралья (Левина 1996, 282, 284, рис. 87, 89), кенкольской культуры Тянь-Шаня, Ферганы и юго-восточного Казахстана V–VII вв. (Бернштам 1940, 12, табл. XXVII–XXVIII; Кожомбердиев, Худяков 1987, 78–79, рис. 1/1–6, 8, 11; 2/2–8). Использование концевых тыльных пластин было характерно для наиболее ранних форм “тюркского” лука (Худяков 1986, 139–143). Учитывая последнее, представляется, что восточноевропейские районы распространения данного оружия являлись не более чем провинцией области распространения лука “тюркского” типа.

Луки “тюрко-хазарского” типа и оружие “хазарской” технологии

Плечевые края лицевых сторон срединных и концевых боковых накладок луков технологии “хазарского” типа (рис. 7/18–20; 8/1–13) также покрывались мелкой сетчатой насечкой. Но при этом они углублялись относительно своего центра, отделяясь от него прорезными уступами. Дуговидные срединные боковые пластины имели размеры 12–20 x 2,2–3 см. Срединные тыльные накладки

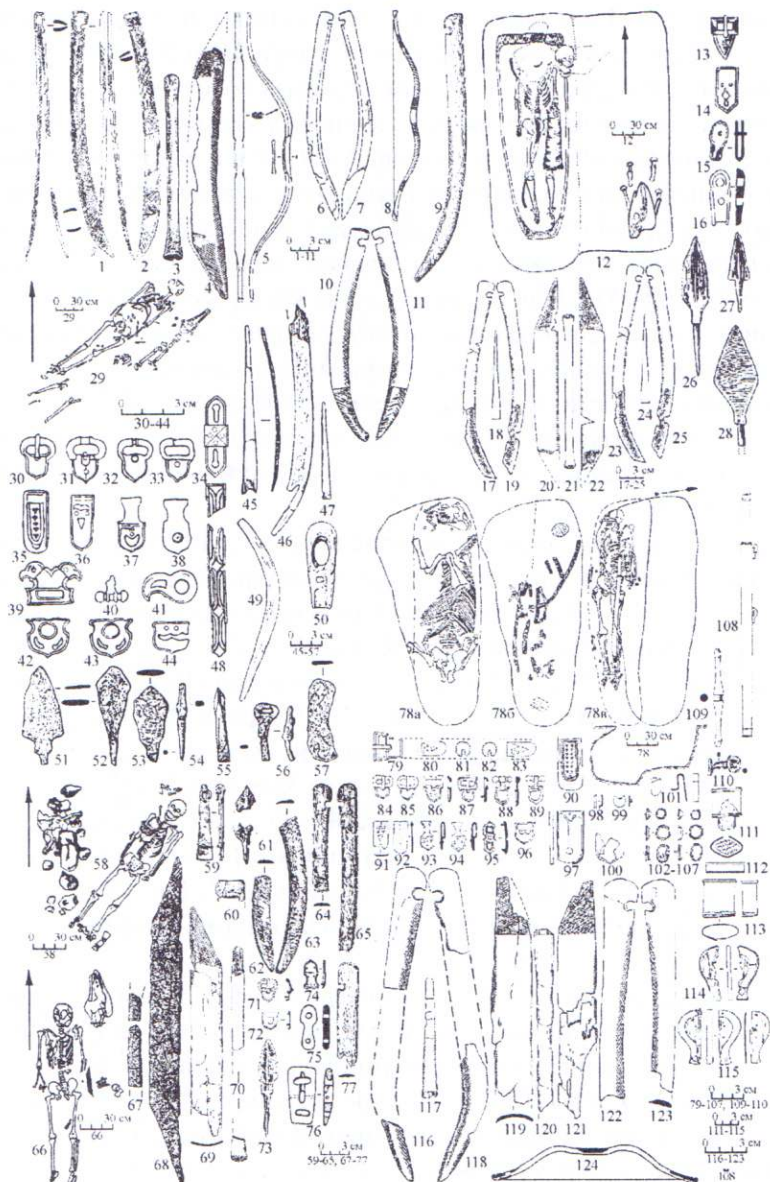

Рис. 4. 1–5 – Танаис (Шелов 1972); 6–8 – Христофоровка, к. 7 п. 12 (Орлов 1985); 9 – Новиковка (Медведев 1966); 10–11 – Ильичевское городище (Николаева 1986); 12–28 – Авиловский, к. 1 (Синицын 1954); 29–57 – Калининская, к. 30 п. 3 (Атавин 1996); 58–65 – Верхнепогромное, к. 1 п. 12 (Шилов 1975). 66–68 – Старица, к. 7 п. 8 (Шилов 1960); 69–73 – Виноградное, к. 35 (Орлов, Рассмакин 1996); 74–77 – Манас (Магомедов 1981; Медведев 1966); 78–124 – Виноградное, к. 5 (Орлов, Рассмакин 1996)

были крайне редки. Концевые боковые имели изгиб в верхней трети своей длины. Вырез для тетивы располагался на расстоянии более чем в два раза превышавшем ширину пластин. Размеры краевых боковых 21–30 x 1,8–2,2 см. Вместе с ними использовались два вида концевых фронтальных пластин: асимметричные клиновидные тыльные (длина 8–29 см) и передние челноки (длина 4–24 см). Концевые боковые использовались только с концевыми тыльными (собственно “хазарский” вариант крепления), а последние могли сочетаться также и с концевыми передними (“салтовский” вариант, рис. 8/14-17), (Савин, Семенов 1990, 169-171). В последнем случае концевые боковые пластины не применялись. Тыльные накладки плотно зажимались оборотными сторонами боковых и, соответственно, имели покрываемые насечками грани.

Погребения с луками “хазарской” технологии крепления часто сопровождаются находками византийских и арабских монет 674–757 гг., что позволяет датировать их бытование VIII в. Оружие “салтовского” варианта датируется 2-й пол. VIII–IX вв.

Оружие “хазарской” технологии разделено на группы по размерам накладок рукоятей, подтипы выделены по взаимосочетанию краевых пластин.

Группа А. Со срединными боковыми пластинами (размеры 16–21 x 2,6–3 см).

1. Со срединными роговыми накладками: а. Со срединными боковыми и тыльной (Керчик, к. 27); б. Только со срединными (Кривая Лука-IX, к. 12; Новинки-II, к. 14 п. 5; Новосадковский, к. 27; Чиков, к. 27 п. 1). 2. Со срединными боковыми и концевыми: а. С концевыми тыльными (Купцын Толга, к. 14; Саловский-IV, к. 2 п. 1; Танаис, п. 1999 г.; Чир Юрт, к. 5); б. С концевыми тыльными и передними (Дмитриевский, ктб. 106; Новосадковский, к. 8; Типки, к. 1); в. С концевыми передними (Осиновка-III, к. 7). 3. Со срединными и концевыми боковыми (Скалистое, ск. 575; Три Брата-I, к. 18).

Группа Б. Со срединными боковыми пластинами с размерами 12–18 x 2,3–2,6 см.

I. Полнокомплектные. 1. Только со срединными боковыми (Нови Пазар, п. 33). 2. Со срединными боковыми и концевыми тыльными (Дружба, к. 3). 3. Со срединными и концевыми боковыми (Веселовский-I, к. 6; Ильичевское, п. VIII; Кривая Лука-XXVII, к. 5; Новоаксайский, к. 28). 4. Со срединными боковыми, концевыми боковыми и тыльными фронтальными (Житков-II, к. 4; Кировский-V, к. 3; Новоаксайский, к. 13; Обозное, к. 2 п. 1; Соколовский, к. 8; Тамар Уткуль, к. 3). II. Луки, с неопределенными в размерах накладками рукояти. 1. Только с концевыми боковыми (Западный, к. 4; Петрунино-II, к. 7). 2. С концевыми боковыми и тыльными (Высочино-VII, к. 25; Кьюин Толга, 6/2, эти материалы не опубликованы).

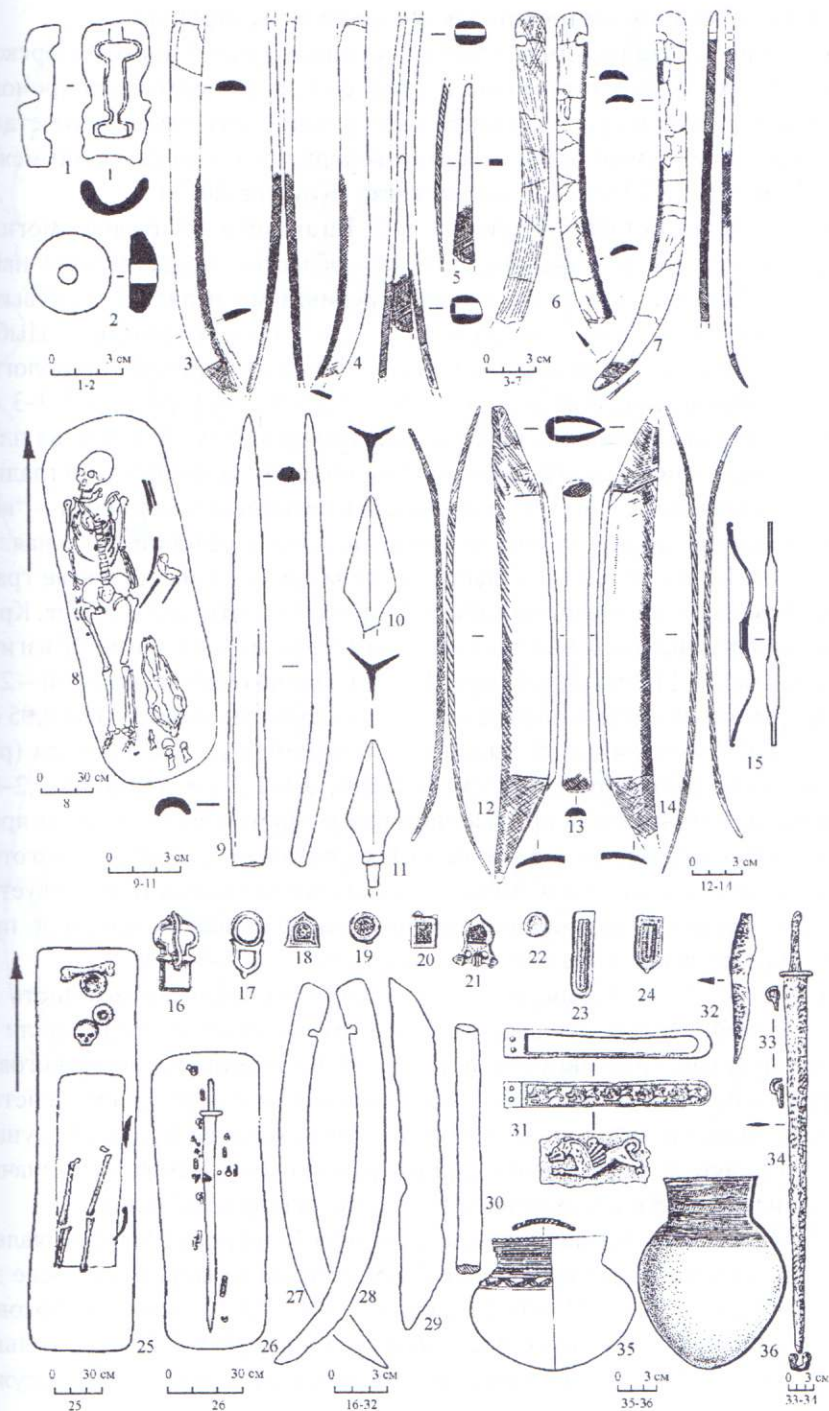

Рис. 5. 1-15 – Таганский грунтовый могильник, п. 2 (Матвеев, Цыбин 2004); 16-36 – Манякский-1 грунтовый могильник, п. 1 (Мажитов 1977; 1981)

О переходе “тюрко-хазарской” технологии в “хазарскую”

Несмотря на то, что различия сложносоставных луков “тюрко-хазарской” и “хазарской” технологий достаточно велики, разная относительная хронология этих форм оружия и существование конструкций, обладающих сочетанием некоторых общих признаков, позволяют говорить о существовании между ними эволюционно-генетической взаимосвязи (Круглов 2003).

Остатки сложносоставного лука из п. 2 Таганского грунтового могильника (верхнее течение р. Дон, Воронежская область), представлены набором из восьми роговых накладок – тремя срединными и пятью концевыми, четырьмя боковыми и одной тыльной (рис. 5/3–7, 12–15), (Матвеев, Цыбин 2004), семь из которых были изготовлены по “тюрко-хазарской” технологии. Срединные боковые пластины имели размеры 25,5 x 2,9–3 и 28,9 x 2,9–3 см, первоначальная длина накладок рукоятки составляет ~30 см. Узкие края пластин покрыты мелкими косыми насечками и приподняты относительно гладкой центральной части на 0,1 см. Соединение с плечевыми сухожилиями – “внахлест”. Тыльная срединная прямоугольная накладка в сечении овальная. Её размеры 19,3 x 1,5–1,7 x 0,5 см. Пластина накладывалась на торцевые грани срединных боковых и деревянную кибить. Сечение рукоятки треугольное. Краевые накладки противоположных концов лука ассиметричны и имеют изгиб в своей нижней части. Длина одной пары 24,2 см. Длина обломков второй – 22,5 и 23 см. Покрытые насечками плечевые края-площадки приподняты на 0,05 см. Сохранившаяся длина концевой тыльной клиновидной накладки 11 см (рис. 5/5), ее первоначальная длина ~12 см. Ширина 0,4–1,3 см, толщина 0,2–0,3 см. Данная пластина имела покрытые насечками грани и заглубленный край-площадку и, соответственно, в отличие от всех остальных, она была изготовлена по технологии “хазарского” типа. Это обстоятельство свидетельствует об ошибочности жесткого противопоставления технологических приемов, применяемых при изготовлении сложносоставных луков VII–VIII вв.

Как известно, А. М. Савин и А. И. Семенов отрицали возможность какой либо эволюции луков “тюрко-хазарской” технологии и представили их как законченную консервативную конструкцию. Колебания размеров роговых накладок рукоятей: длины от 30 до 35 см, ширины от 2,6 до 3,2 см, действительно могут зависеть исключительно только от исходного сырья. Но существование оружия этой технологии с длиной рукоятки 19–21 см могло означать лишь ее модификацию и переход на технологию “хазарского” типа.

В п. 1 Маняжского могильника (лесостепная Башкирия) было выявлено пять роговых пластин – две срединные боковые и одна тыльная, а также две концевые боковые (рис. 5/27–30), (Мажитов 1981, 17). Срединные боковые трапециевидные накладки этого лука имели размеры 20 x 2,2 см, а тыльная срединная – 14 x 1,2 см, что отличается от эталонных характеристик оружия

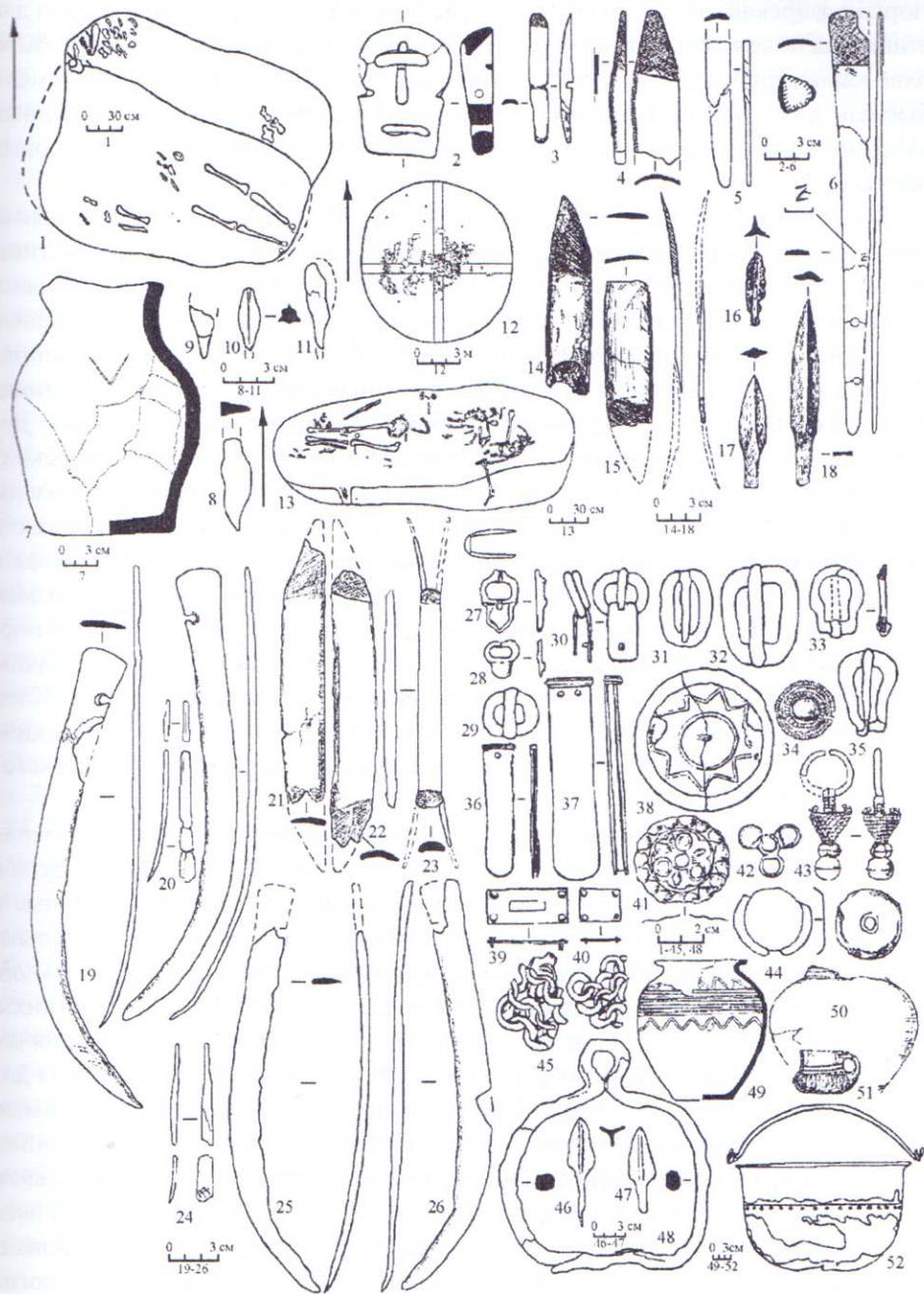

Рис. 6. 1-11 – Сидоры, к. 34 (Круглов 2004а); 12-18 – Новинки-II, к. 17 (Матвеева 1997); 19-52 – Клинь Яр-III, кат. 29 (Флёров 2000)

“тюрко-хазарской” технологии. Концевые боковые пластины имели вырез для тетивы, расположенный от края в соотношении 2:1 длины к ширине, что было более характерно для луков “хазарской” технологии. Но при этом они имели обычный для “тюрко-хазарских” луков изгиб, совершенно не свойственный “хазарским”, наиболее ранние из которых вообще не имели концевых боковых пластин.

В кат. 29 аланского могильника Клинь-Яр III (г. Кисловодск, Северный Кавказ) сохранились шесть концевых и три срединных роговых пластины сложносоставного лука (рис. 6/19-26) (Флёров 2000, 138). Срединные боковые пластины этого оружия также имели размеры не характерные для эталонных луков “тюрко-хазарской” технологии – 16–17 x 2,5 см, а тыльная срединная – 13,2 x 1,4 см. Общая длина рукояти не превышала 20 см. Тыльная срединная пластина и система ее скрепления с кибитью “тюрко-хазарского” типа. Дуговидные срединные боковые накладки рукояти изготовлены по “хазарской” технологии – покрытые сетчатой насечкой их края-площадки углублены относительно гладкого центра. Концевые боковые пластины, также, как и в Манякском, имели вырез для тетивы, расположенный от внешнего края в соотношении 2:1 длины к ширине. При этом ширина пластин (2,8 см) больше параметров практически всех других аналогичных пластин не только “тюрко-хазарских”, но и поздних “хазарских” луков (стандартная ширина накладок этого типа 1,8–2,4 см). Совмещающая признаки двух технологий, лук из Клинь-Яра экспериментален и гибриден. Он завершает технологическую эволюцию “тюрко-хазарского” оружия и обозначает переход к технологии “хазарского” типа.

Несколько иная линия такого перехода представлена луком из погребения к. 34 у с. Сидоры (р. Медведица, Волгоградская область) (рис. 6/3–6), (Круглов 2004а). Здесь сохранились две срединные боковые, две концевые тыльные и одна концевая передняя накладка-челнок. Первые четыре пластины изготовлены по “тюрко-хазарской” технологии. Срединные боковые представлены обломками (размеры 10,1 x 3,1 x 0,3 и 11,8 x 3,2 x 0,3 см). Из двух жестких и почти прямых массивных концевых тыльных клиновидных пластин одна сохранилась полностью. Её размеры (28,3 x 0,9–2,3 см) более характерны для ранних форм “хазарских” луков. На состояние переходности и экспериментальность конструкции указывают и два сквозных отверстия, расположенных близ узкого края этой пластины. Они не являются следами ремонта, а связаны с изготовлением самого оружия. Мастера просто не были уверены в жизнеспособности такого лука и скрепили пластину с кибитью штырями. Примечательно сочетание жестких роговых пластин “тюрко-хазарской” технологии с накладкой-челноком, специфическим для “салтовского” варианта крепления луков “хазарского” типа.

Комплекс из Сидор для нас интересен еще двумя чрезвычайно важными моментами. Во-первых, на гладкой лицевой поверхности тыльной клиновидной пластины вырезан руноподобный тамгообразный знак (рис. 6/6). Во-вторых, форма глиняного лепного сосуда из этого комплекса (рис. 6/7) находит себе аналогии среди лепных горшков 1-й группы посуды древних тюрок Центральной Азии, представленных, в частности, находками из поминальных оградов близ п. Макажан и Юстыд на Алтае (Кубарев, Журавлева 2000, 25–31, рис. 1/3–4).

Третья линия эволюции “тюрко-хазарской” технологии выделяется на материалах конструкций, характеризующихся отсутствием жестких концевых обкладок. Существование таких форм характерно для наиболее раннего оружия “хазарской” технологии (Савин, Семенов 1992с: 204]. Хотя срединные боковые накладки лука из к. 17 могильника Новинки-II (Самарская Лука) (рис. 6/14–15), (Матвеева 1997, 187, 210) явно были преднамеренно укорочены, общая длина рукояти реконструируется все в тех же 19–21 см. Примечательно отсутствие тыльной срединной накладки, ставшей совершенно уже не нужной. В кенотафе коня из к. 6 у х. Жирноклеевский (Волго-Донское междуречье) были обнаружены две боковые и одна тыльная срединные роговые пластины (рис. 7/8–10), (Круглов 2004b). Длина рукояти 20 см. Приподнятые края накладок покрыты сетчатой насечкой. Тыльная срединная пластина в сечении овальная. Единственная возможность дальнейшего совершенствования такого оружия могла предполагать только изменение технологии изготовления боковых накладок рукояти. Наиболее наглядно это иллюстрирует остатки лука из к. 27 могильника Керчик (Нижний Дон) (рис. 7/18–20), (Савин, Семенов 1999, 27–29). Эта конструкция также состояла из двух боковых и одной тыльной срединных накладок рукояти, внешне, полностью тождественных жирноклеевскому оружию. Но изготовлены и собраны они уже по “хазарской” технологии. Реконструируемая длина рукояти – 17,6 см. Узкие плечевые края срединных боковых пластин были углублены на 0,2 см относительно гладкого центра и отделены от него горизонтальным уступом. Тыльная пластина имела покрытые насечками грани и плотно зажималась оборотными сторонами боковых. При использовании укороченных боковых накладок сохранение тыльных вставок являлось лишь рудиментом прежней технологии. Это позволяет считать оружие из Жирноклеевского и Керчика ближайшими друг к другу звеньями прямой эволюционной трансформации “тюрко-хазарской” технологии изготовления луков в “хазарскую”. При различающихся технологиях, типологически они ближе всего именно друг к другу.

Следует сказать, что А. М. Савин и А. И. Семенов сами были довольно близки к выделению луков, переходных от “тюрко-хазарской” технологии к “хазарской”. Они отмечали, что накладки из к. 17 Новинок-II, к. 1 Шиловки

и п. 6 к. 16 Брусян-II одновременно сочетают в себе признаки оружия обеих типов. Отсутствие на гранях боковых срединных пластин срезов для накладки тыльных пластин сближает их с “хазарской” технологией, а сохранение на краях приподнятых рифленых площадок является переживанием “болгарской” (“тюрко-хазарской”) традиции. Исследователи признали, что им не удалось классифицировать подобные находки столь определенно, как более многочисленные и обладающие полным набором устойчивых признаков остатки луков из погребений сивашовского круга Поднепровья и курганов соколовского типа Дона и Нижней Волги (Савин, Семенов 1995, 76). Чем еще подобное состояние конкретных находок может быть, как не отражением процесса прямой эволюции оружия (Комар 2001а, 25)?

О причинах эволюции луков “тюрко-хазарской” технологии

Хорошо известно, что оружие для кочевника являлось одним из важнейших средств производства (Плетнева 1967, 156; 1989: 69). Отсюда – исключительная ценность, значимость, сложность и длительность процесса изготовления сложносоставных луков (Медведев 1966, 13). Между тем роговые накладки “тюрко-хазарской” технологии по большей части находят надломанными или их сохранившееся количество оказывалось заведомо неполным. Надломы накладок наиболее часто фиксируются в местах перехода к приподнятым краям-площадкам, покрываемых насечками. Очевидно, что края пластин теряли гибкость и ломались при силовом напряжении, соприкасаясь с вибрировавшими плечами. Возникает предположение о существовании проблемы неустойчивости конструкции. Необходимость её устранения и объективная неизбежность модификации такого оружия становится понятной. Но ведь изготовление луков являлось результатом апробации многолетнего практического опыта и появление подобной неустойчивой конструкции должно было быть полностью исключено. Почему же тогда такое оружие все же появилось и имело широкое распространение?

Согласно сведениям А. Ф. Медведева, при изготовлении луков учитывались не только индивидуальные особенности лучников, но и климатические условия района использования оружия. Для регионов с постоянно умеренным климатом изготавливались луки с узкими плечами, покрываемые большим количеством роговых накладок и сухожилий. Для районов с широкой температурной амплитудой, крайне жарких, крайне холодных или очень сырых подходящими считались деревянные конструкции с широкими плечами без роговых накладок (Медведев 1966, 13–14).

Луки “тюрко-хазарской” технологии имеют узкие плечи, широкую и длинную рукоять. Жесткие роговые накладки покрывают до 75% их поверхности. Это позволяет определять данное оружие изначально приспособленным для

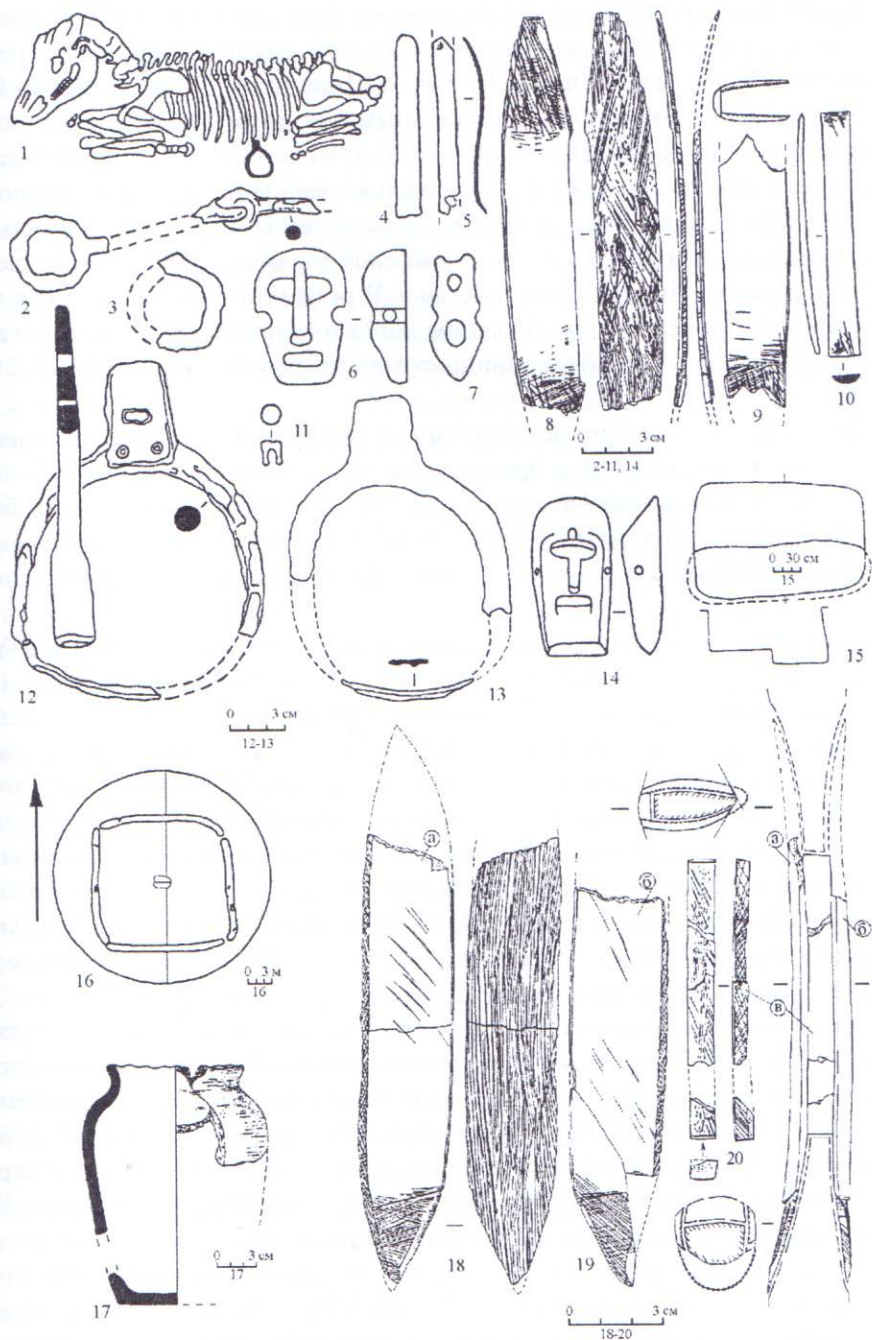

Рис. 7. 1-14 – Жирноклеевский, к. 6, захоронение коня (Круглов 2004b);
15-20 – Керчик, к. 27 (Савин, Семенов 1999)

преимущественного пользования в открытых безлесных пространствах с постоянно умеренно холодным климатом и низкой амплитудой температурных колебаний. Между тем период VII – нач. VIII вв. (598–722 гг.) в степях Восточной Европы отличался континентальным климатом с пониженной степенью влажности (коэффициент увлажнения 0,88) и необычайно резкой температурной амплитудой, суровыми и продолжительными, но малоснежными зимами, крайне жарким и сухим летом. Между тем известно, что длительные сухие периоды, превышавшие 11-летний срок вызывают гибель и оскудение пастбищ, резкий и быстрый рост пустынь. В результате, уже к сер. VII в. степи Северного Причерноморья по своим экологическим характеристикам приблизились к условиям наиболее аридных зон Евразии (Комар 2001а, 34; 2004, 194–200).

На подобное состояние экологии прямо указывают и данные археологии, показывающие многократное превышение числа комплексов кон. VII – нач. VIII вв. над памятниками 1-й пол. – сер. VII в. Между тем последнее объясняется довольно просто: в 677–687 и 692–695 гг. имело место кратковременные улучшения климата, сменявшиеся возвратом к прежнему жаркому состоянию.

Изучение топографии расположения археологических памятников VII–VIII вв. приобретает значение важного дополнительного источника. Раннесредневековое погребение у п. Комсомольский было открыто в могильнике, расположенном на одном из бэровских бугров дельты р. Волга (Плахов 1988). Погребение на Матюхином бугре обнаружено на острове Поречный, в отдельные годы полностью заливаемого р. Дон (Смоляк 1999). Таганский могильник выявлен в пойме р. Дон на дюнном возвышении, окруженном заболоченной местностью (Матвеев, Цыбин 2004). С точки зрения экологии сегодняшнего дня, данные захоронения можно смело считать классическими речными погребениями, существование которых признается характерным для таборной стадии кочевания (Плетнева 1982, 13–35; 2003, 11–13).

Остальные археологические памятники со сложносоставными луками “тюрко-хазарской” технологии выявлены в могильниках, также привязанных к водным артериям. Среди них Авиловский могильник (терраса над поймой р. Иловля), Старицкий и Верхнепогроменский (края надпойменных террас правого и левого берегов р. Волга), Сидорский (край надпойменной террасы р. Тишанка, притока р. Медведица), Жирноклеевский (край террасы р. Россошки, притока р. Дон), Красногоровский (левый берег р. Дон близ его дельты). Ситуация подтверждается изучением топографии расположения также и других погребальных памятников VII – нач. VIII вв. Комплексы этого времени в глубинных водораздельных районах открытой степи просто не известны

и обнаруживаются исключительно только лишь близ долин рек. Помимо всего прочего, топография выявила и явное смещение кочевого населения VII – нач. VIII вв. из степи на север, в лесостепь.

Остается предположить, что “тюрко-хазарский” лук изначально и не был приспособлен для экологических условий Восточной Европы обозримого исторического периода. Появление здесь такого оружия однозначно может быть связано лишь с миграцией сюда центральноазиатского населения. Из первоначального исходного региона-очага его формирования в настоящее время можно исключить лишь Алтай и Туву, а также болотистые равнины Западной Сибири. Здесь просто не известны срединные боковые пластины рукояти луков с длиной 30–35 см (Овчинникова 1990, 164–166, табл. 13; Соловьев 1987). Определенный интерес вызывает Восточное Приаралье, где в ареале распространения памятников джетыясарской культуры во время раскопок были обнаружены остатки 37 сложносоставных луков, а также их многочисленных заготовок. Большинство их имели по две пары ассиметричных концевых и по три срединных роговых накладки “огуро-савирского” типа, являвшихся несколько более ранними по отношению к “тюрко-хазарскому” оружию. У многих из них фиксировалось наличие не характерной для Восточной Европы срединной фронтальной (передней) накладки. Лишь небольшая часть джетыясарских луков из к. 165, 190, 256, 261, 488 могильников Алтынасар 4д, 4ж, 4м, 4т (рис. 2/51–89), (Левина 1996) имела тыльные концевые накладки и выделенные насечками края-площадки у срединных и концевых боковых пластин, что позволяет отождествлять их с оружием “тюрко-хазарской” технологии. Но особенности погребального обряда и могильного инвентаря этих памятников не характерны для джетыясарской культуры и инородны ей (Левина 1996, 66, 200). В этих комплексах были обнаружены остатки деревянных седел, восьмеркообразные железные стремена, роговые подпружные пряжки, блоки-чумбуры и другие предметы крайне редкие для Восточного Приаралья, но обычные для древнетюркских кочевнических погребений. Видимо, область формирования сложносоставных луков “тюрко-хазарской” технологии следует искать в каких то иных районах Средней или Центральной Азии, возможно – в умеренно холодных высокогорных долинах Тянь-Шаня.

В Восточной Европе луки “тюрко-хазарской” технологии оказались непригодными для длительного непрерывного использования. Их роговые накладки, набухающие зимой и пересыхающие летом, теряли упругость и ломались. Необходимость их модификации оказалась неизбежной и привела к появлению луков “хазарской” технологии. Основной тенденцией эволюции при этом стало увеличение длины плеч оружия за счет уменьшения рукояти с 30–35 см до 19–21 см. Общая его длина при этом не изменилась (1,2–1,35 м). Сохранение мощности рукояти можно было обеспечить увеличением ши-

рины срединных боковых роговых пластин или усилением их толщины. Первый путь не был осуществим из-за отсутствия сырья. Известны остатки лишь одного лука из п. 5 к. 13 могильника Новинки-II, ширина срединных боковых накладок которого (3,4 см) превышала стандартные размеры рукоятей оружия обеих технологий (Матвеева 1997, 27, 162, рис. 64/3), но такую конструкцию можно признать тупиковым локальным ответвлением общего эволюционного процесса. Вторым путем оказался более продуктивным. Именно он обеспечил все необходимые условия перехода от “тюрко-хазарской” технологии к “хазарской”, для которой как раз и являлась характерной несколько бóльшая толщина центра роговых пластин, а не их краев.

Уменьшение длины рукояти сопровождалось увеличением натяжения на края лука, что требовало реконструкции и их. Необходимо было сохранить мощность краев, увеличить сопротивляемость натяжению эластичных плеч. Результат был получен тремя путями: увеличением ширины концевых боковых накладок с 2,2 до 2,8 см (вариант: Клинь Яр), заменой концевых боковых систем из концевых тыльных и фронтальных (вариант: Сидоры), полным отказом от использования жестких концевых пластин (вариант: Новинки-II, к. 17 – Жирноклеевский). В результате, в 1-й пол. VIII в. луки с жесткими роговыми боковыми концевыми накладками (Манянский и Клинь Яр) сохранились лишь вне степи. В самой степи процесс эволюции оружия шёл по линии уменьшения длины рукояти с 20 до 12–13 см и отказа от использования жестких концевых боковых и срединных тыльных пластин (Савин, Семенов 1999: 27). В итоге, в 1-й пол. VIII в. здесь получили распространение луки лишь со срединными боковыми накладками, но изготовленные уже по “хазарской” технологии (рис. 7/18–20). Именно они лучше всего подходили ариднему климату Восточной Европы кон. VII – 1-й четв. VIII в. Другой конструкцией оружия 1-й пол. VIII в. в степи были луки со срединными боковыми и краевыми тыльными клиновидными пластинами (рис. 8/6–7). Улучшение климата в начале 2-й четв. VIII в. привело к появлению новых форм оружия “хазарской” технологии, сочетавших использование срединных боковых накладок с тыльными и боковыми концевыми (рис. 8/1–5, 8–13). Другим вариантом стали луки “салтовского” типа (рис. 8/14–17).

“Тюрко-хазарские” луки в свете некоторых проблем археологии VII–VIII вв.

Погребения восточноевропейских степных кочевников 2-й пол. VII – нач. VIII вв. в настоящее время почти исключительно отождествляются только лишь с населением Великой Болгарии. Во внимание не принимается то, что время существования державы Кубрата и эти памятники имеют разную относительную хронологию, а сами они находятся на значительном удалении

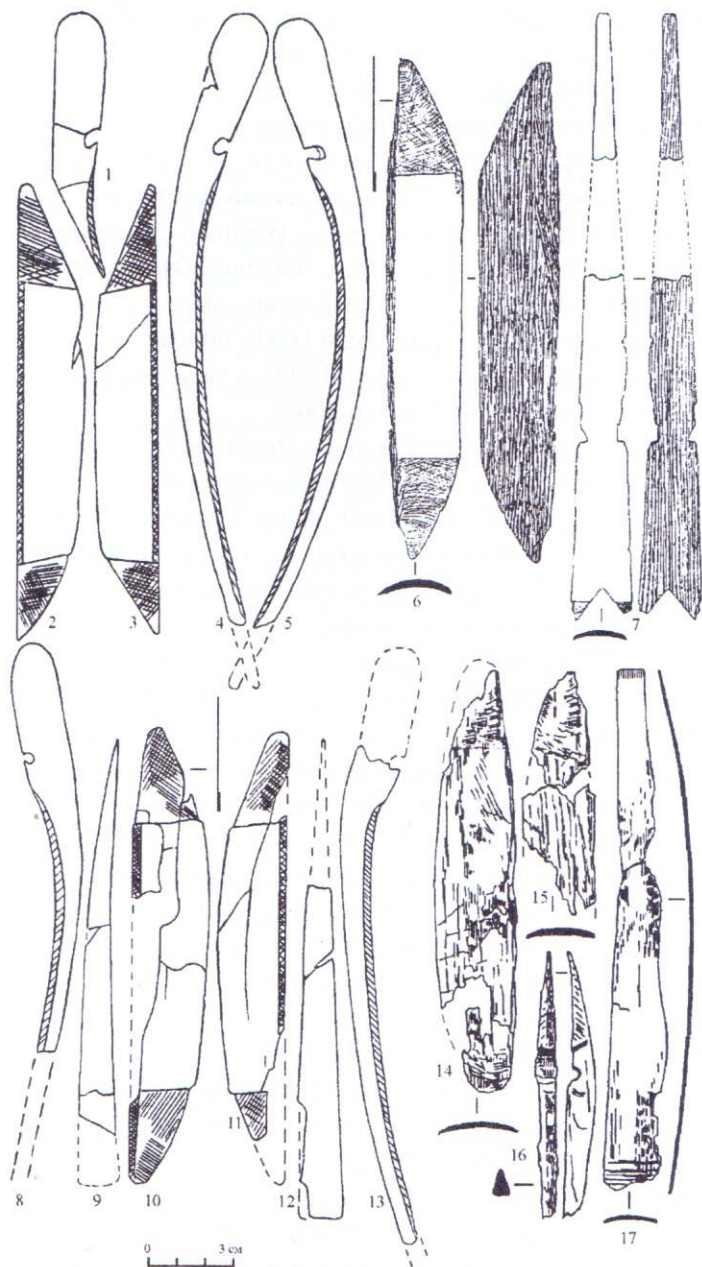

Рис. 8. Накладки сложносоставных луков "хазарской" технологии. 1-5 – Новоаксайский, к. 28 (Круглов 1992d); 6-7 – Саловский-IV, к. 2 (Парусимов 1998); 8-13 – Новоаксайский, к. 13 (Круглов 1992d); 14-17 – Дмитриевский могильник, кат. 106 (Плетнева 1989)

от Приазовья – единственно достоверно известной нам области расселения этих кочевников. Парадоксально, но получается, что зажатые в плавнях Кубани праболгары Кубрата всего за десять лет существования собственного протогосударственного образования в условиях более чем экстремальной экологической и политической обстановки смогли оставить в археологии более значительный след, чем хазары за трехсотлетний период своего господства в Восточной Европе. В итоге, роль и значение Великой Болгарии оказались раздуты до совершенно невероятной степени. Научная общественность уже имеет пересказы собственных “летописей” праболгар, абсолютно недоступных для какой либо научной критики (Бахши Иман 1993), подсчеты количества населения этого кочевого образования (Тортіка 1999), а также вольные литературно-художественные произведения (Богачев 2003).

Нельзя сказать, что исследователи не предпринимают попыток поиска памятников этнических хазар. Атрибуция экспедицией Л. С. Клейна материалов погребения из к. 11 у Соколовской балки (Клейн и др. 1972) в качестве комплекса салтово-маяцкой культуры открыла новое направление в археологии хазарского времени. Успехи в его разработке наиболее показательны. Исследование большой группы подкурганых погребений, характеризующихся комплексом повторяющихся обрядовых признаков, позволило уверенно считать нижнедонские захоронения типа Соколовской балки археологическими памятниками этнических хазар – устойчивого социально господствующего этноса, отличного от всех остальных обитателей Хазарского каганата. Но хронология “курганов с ровиками”, как в последнее время крайне упрощенно стали называть памятники этого типа, не дает нам права считать именно их соответствующими наиболее ранней истории Хазарского каганата. Существование “курганов с ровиками” в основном ограничивается хронологическими рамками 1-й пол. – середины 2-й пол. VIII в. Наиболее ранним из числа уже опубликованных комплексов этого типа является исследованный на средней Волге к. 1 Шиловского могильника (Багаутдинов и др. 1998), датирующийся не ранее 1-й четв. VIII в. (Комар 2001а, 32–40). Между тем образование Хазарского каганата было связано с сер. VII в. В результате, мы получили еще одну парадоксальную ситуацию, при которой хазары, уже в сер. VII в. реально подчинившие себе почти четверть территории Восточной Европы и отождествляемые ныне почти исключительно только лишь с “курганами с ровиками”, в начальный период своей самостоятельной истории (2-я пол. VII в.) остаются как бы вне археологических источников и внезапно “появляются” в сформировавшемся виде только лишь в самом нач. VIII в.

Единственными памятниками, хронологически предшествующими группе “курганов с ровиками”, понимая их как некоторую ограниченную часть

захоронений типа Соколовской балки, являются комплексы 2-й пол. VII в. круга Перещепины – Сивашовки. Долгое время лишь А. И. Айбабин и автор этих строк говорили о них, как о связанных с наиболее ранней историей Хазарского каганата и о возможности выделения из их числа наиболее ранних погребальных комплексов этнических хазар (Айбабин 1985; 1999; 2002; Круглов 1991; 1992a; 1992b; 1992c; 2002a). В последнее время эту точку зрения активно поддержали А. В. Комар (Комар 1999; 2000a; b; 2001a, b; 2004) и С. А. Плетнева (Плетнева 2003, 29–34). В наибольшей степени археологические, исторические реалии и экологические условия Восточной Европы VII–VIII вв. учитывает концепция А. В. Комара, обосновавшего полное хронологическое и культурное соответствие элитной Перещепины с погребениями рядовых кочевников типа Сивашовки (Комар 1999, 112–132). К сожалению, процесс осознания принадлежности этих комплексов к хазарскому времени и связь именно их с ранней историей Хазарского каганата, а не с Великой Болгарией в значительной степени тормозится существованием известной концепции А. М. Савина и А. И. Семенова, согласно которой лук “тюрко-хазарской” технологии мог быть связан только лишь с памятниками типа Сивашовки и населением Великой Болгарии, а “хазарский” с памятниками типа Соколовской балки и центрально-азиатскими тюркютами или хазарами. По мнению этих исследователей, смена одного оружия другим произошла на рубеже VII–VIII вв. и отражала этническую смену населения Великой Болгарии населением Хазарского каганата (Савин, Семенов 1989; 1991; 1992; 1998; 1999).

Но, во-первых, о какой Великой Болгарии и о какой смене населения в Восточной Европе может идти речь применимо к рубежу VII–VIII вв. после образования Хазарского каганата и почти 50-ти летнего периода его существования? Во-вторых, высказанное А. М. Савиным и А. И. Семеновым предположение об отсутствии прямой эволюционной связи между “тюрко-хазарским” и “хазарским” сложносоставными луками следует считать ошибочным. Все ныне известные типы сложносоставных луков Восточной Европы какой либо исключительной связи с теми или иными конкретными группами археологических памятников вообще не выявляют. Речь может идти лишь о той или иной степени потенциальной возможности таких связей. Ареал распространения оружия “тюрко-хазарской” технологии значительно шире районов обнаружения памятников типа Сивашовки и их, якобы, исключительная взаимосвязь была совершенно декларативна уже в момент высказывания самой гипотезы. Согласен, что авиловское, таганское, комсомольское и некоторые южноуральские погребения достаточно условно действительно можно считать памятниками типа Сивашовки, но значительное территориальное удаление их от Восточного Приазовья не позволяет их связывать исключительно только с

протоболгарами. Луки из Ново-Биккинского кургана и п. 1 Маняжского-I могильника, опубликованные задолго до появления в свет работ А. М. Савина и А. И. Семенова, сопровождалась керамикой кушнаренковского облика, имеющей западносибирское угорское, а не степное тюркское происхождение (рис. 3/58–59; 5/35–36), (Мажитов 1977; 1981). Оружие из Клин Яра было обнаружено в типично аланской катакомбе (Флёров 2000, 138). Вспомним существование аналогичных типов оружия в памятниках джетысарской культуры (Левина 1996). Оружие, по описанию очень близкое к “тюрко-хазарскому» луку модифицированного типа, обнаружено в тюркском погребении у г. Алма-Ата (Курманкулов 1980, 191–197, рис. 2). Погребение из Виноградного, к. 5 (рис. 4/78-124), (Орлов, Рассемакин 1996) перещепинского хронологического горизонта с луком “тюрко-хазарской” технологии имеет обрядовые признаки, свойственные не для захоронений типа Сивашовки, а скорее для захоронений типа Соколовской балки (западная ориентировка, сооружение подбоя в южной стенке входной ямы, сопровождение умершего останками целого коня и барана), отличаясь от них лишь отсутствием квадратного вокругмогильного ровика и впускным характером комплекса.

Существование в Восточном Приазовье протоболгарского этнического субстрата, альтернативного тюрко-хазарскому, отрицать нет необходимости, это есть реально зафиксированный исторический факт. Но быстрый распад Великой Болгарии после смерти Кубрата в 642 г. (Артамонов 1962, 163) показывает эфемерность и непрочность этого образования. Кратковременное явление Великой Болгарии не могло изменить образ жизни кочевников настолько, чтобы те смогли оставить от себя реально улавливаемые археологические следы на всей территории степей Восточной Европы от Днестра до Урала и от Камы до Азербайджана, как мы это имеем на примере распространения памятников типа Сивашовки.

Как известно, периоды политической нестабильности в степи соответствуют 1-й стадии кочевания, от которой практически никогда не остается остатков человеческой жизнедеятельности. Лишь установление относительно длительной стабильности начинает способствовать появлению археологических памятников, в том числе и погребальных (Плетнева 1982; 2003). Кризис власти, разразившийся в 629 г. в Западнотюркском каганате, в Восточной Европе был преодолен только после образования Хазарского каганата, во главе которого оказались представители тюркского рода Ашина и их ближайшее военное окружение. Но вряд ли это сопровождалось переливом в регион каких то больших групп центральноазиатских кочевников. В условиях крайне неблагоприятной экологической обстановки речь может идти только о централизованном переселении в середине VII в. в Восточную Европу вместе с каганом лишь

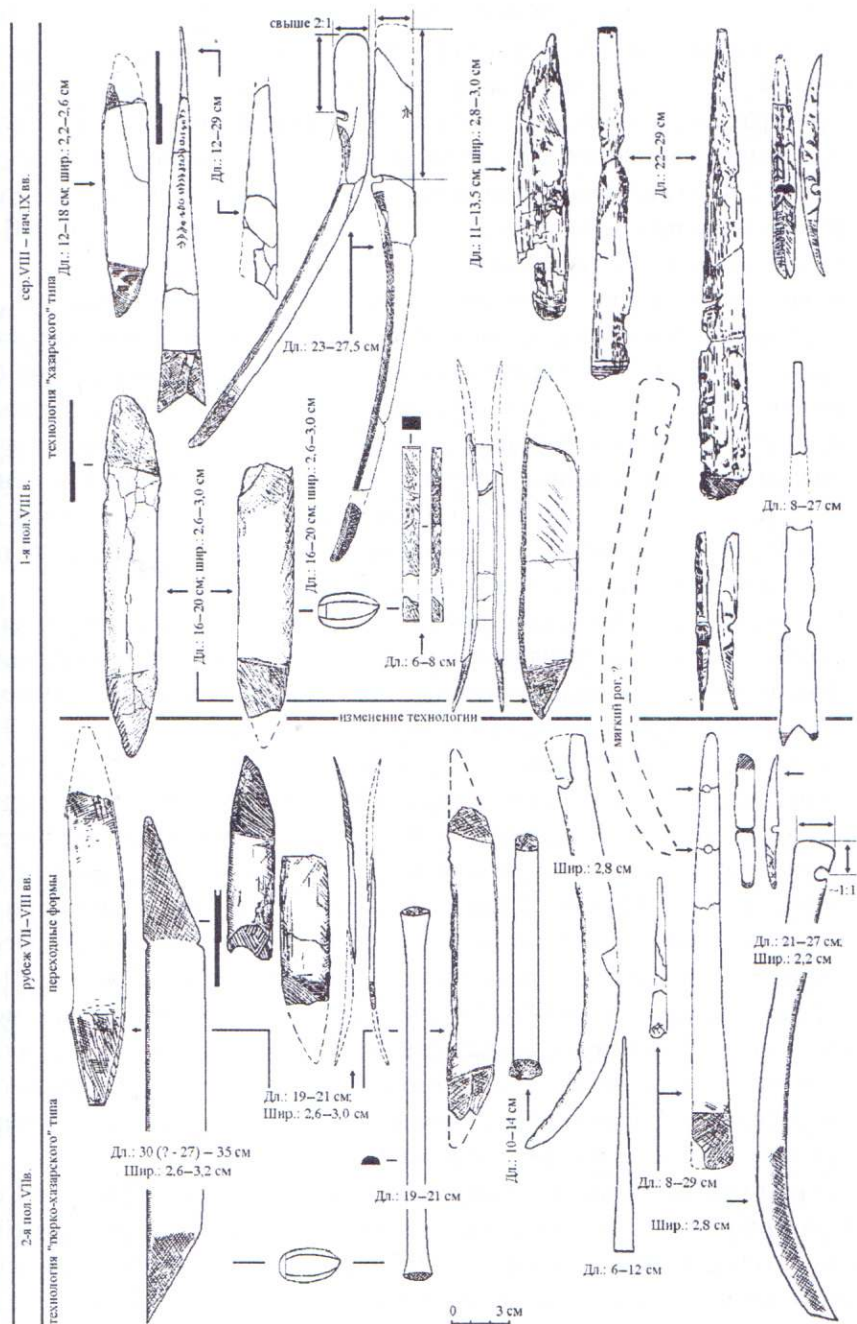

Рис. 9. Эволюция роговых накладок сложносоставных луков Восточной Европы раннехазарского времени (2-я пол. VII – нач. IX вв.)

его семьи и немногочисленной военной дружины ближайших родственников или сподвижников. В целом это могло носить характер узколокальной миграции, с последствиями которой мы, однако, можем связывать появление и распространение сложносоставных луков “тюрко-хазарского” типа, как одного из важных составных элементов древнетюркской воинской культуры, а также выявленное антропологами усиление культурно-физической монголоидизации кочевого населения восточноевропейских степей во 2-й пол. VII–VIII вв. (Балабанова 2004; Батиева 2004).

Образование Хазарского каганата, начавшееся во 2-й пол. 640-х гг., способствовало быстрому возвышению хазар. Источники сообщают о столкновениях арабов и хазар уже во времена правления халифа Османа (644–656 гг.), (Артамонов 1962, 179). Но вести длительные войны со столь грозным противником без угрозы получения удара в тыл от болгар было невозможно. Начинаются хазаро-болгарские войны, окончание которых М. И. Артамонов относил к 660 г., а К. Цукерман к 660–665 гг. (Артамонов 1962, 174; Цукерман 2001, 330–332). В результате этих войн праболгары Аспаруха ушли на Дунай и еще долгое время оставались там на таборной стадии кочевания.

Несмотря на широкое территориальное распространение “тюрко-хазарской” технологии изготовления сложносоставных луков восточноевропейские протоболгары в состав пользователей этим оружием могут быть включены только с определенными оговорками. Полагаю, что вхождение орды Бат-Баяна в состав Хазарской конфедерации теоретически могло привести лишь эту часть праболгар к знакомству с оружием данной технологии. Подобная постановка вопроса, хотя и требует дополнительной проработки, но уже сейчас прекрасно объясняет тот факт, что, за исключением краевой боковой накладки из Сердики (Станчева 1981, 188, обр. 2; Савин, Семенов 1991, 6) на территории всей Дунайской Болгарии до сих пор не было сделано ни одной другой более достоверной находки остатков оружия подобного типа (Йотов 2004, табл. I–III). Если краевые боковые пластины “тюрко-хазарской” технологии еще можно спутать с соответствующими накладками луков V–VI вв., то роговые пластины их рукоятей, а также краевые фронтальные чрезвычайно специфичны и легко определимы. Следовательно, ушедшие на Дунай праболгары Аспаруха, по-видимому, просто не имели на вооружении такого оружия.

Разгром праболгар открыл хазарам дорогу на Боспор, в Крым и в Северное Причерноморье, способствовал установлению в восточноевропейской степи политической и экономической стабильности и привел к полной неограниченной гегемонии здесь Хазарского каганата. Очевидно, что именно с этим периодом и могло быть связано широкое распространение памятников круга Перещепина – Сивашовка, маркирующих наиболее ранние границы Хазар-

ского каганата и его территорию. При этом несомненно, что первоначально лишь сами тюрко-хазары, являясь господствующей этно-социальной прослойкой, могли выполнять военно-административные функции на всей территории формирующегося государства. Вряд ли такую возможность имели подчинившиеся хазарам праболгары Бат-Баяна, включенные в структуру Хазарского каганата и надолго оказавшиеся второстепенным фактором степной геополитики. По оценке Р. Рашева, для погребального обряда переселившихся за Дунай праболгар не был характерен культ коня. Кочевой компонент в их культуре связывается исключительно лишь с высшей аристократией и ближайшим ханским окружением (Рашев 1993, 250; 1998, 65; 2002, 86–87). В то же время даже рядовые памятники сивашовского типа несут в себе явные элементы центральноазиатского кочевнического культурного импульса древнетюркского облика. Это обстоятельство, впрочем, совершенно не исключает возможного участия праболгар Бат-Баяна из процесса культуругенеза Хазарского каганата. Но в данной ситуации очевидно, что их наследие следует искать через поиск и выделение археологически более явных памятников тюрко-хазар, а не наоборот, как это делается сейчас.

Насколько реально памятники круга Перещепина – Сивашовка и Соколовской балки сопоставимы или противоположны друг с другом? Однозначного ответа на этот вопрос до полной публикации всех памятников пока нет. Если в основу различия класть этнокультурный аспект, понимая под этим системы устойчивых элементов погребального обряда, то мы можем говорить об одновременном сосуществовании в степи во 2-й пол. VII–VIII вв. нескольких, минимум двух, а возможно и больше близких друг другу, но в целом этнически различных групп кочевого населения. Естественно, что среди них могли быть не только тюрко-хазары, но и болгары. Но при этом совершенно нельзя исключать наличия и угорского компонента. Если же в качестве различий между памятниками признавать только хронологический аспект, то мы можем говорить об одной общей культуре всего населения степи при двух последовательных стадиях ее существования. Если в качестве различия признавать территориальный аспект, то мы можем говорить о нескольких равноуровневых центрах Хазарского каганата, существование которых могло быть связано с той или иной конкретной военно-политической ситуацией. Иными словами, захоронения с элементами соколовской (предположительно – хазарской) погребальной обрядности (подбой к югу от входной ямы, западная ориентировка умершего, наличие в могилах останков сразу двух жертвенных животных, коня и барана) выявляются уже на стадии перещепинского хронологического горизонта (670–705 гг., по А. В. Комаму). Однако, захоронения с особенностями сивашовской (вероятно – болгарской или протоугорской) погребальной обрядности (могилы со ступеньками

вдоль обеих длинных стен, подбоя-ниши в коротких стенках) встречаются в степи не только на стадии этого горизонта, но и на протяжении всего VIII в. Более того, последние довольно часто фиксируются в одних могильниках вместе с подкурганными захоронениями типа Соколовской балки, что пока не дает четких критериев для возможности какого либо обособленного их разделения и изучения. Пока очевидно лишь то, что смещение в нач. VIII в. территориальных ареалов археологических памятников круга Перещепина – Сивашовка из Поднепровья и Кубани на Дон, распространение здесь основных захоронений типа Соколовской балки, окружаемых ровиками-оградами, изменение направления ориентировок погребенных с восточного сектора на западный, объясняется не мифической сменой населения в Хазарском каганате, якобы происшедшей на рубеже VII–VIII вв., а переходом от первой стадии кочевания ко второй и третьей, возникновением локальных общеродовых территорий. Военные успехи Хазарского каганата с неизбежностью привели к изменениям в духовной сфере и возвеличиванию роли правящих каганов. Отражением этого стало формирование общегосударственной идеологии в форме почитания культа Тенгрихана, получившей яркое отражение в погребальной обрядности.

Прослеживаемая на конкретных материалах прямая генетическая эволюционная взаимосвязь основных форм “тюрко-хазарского” и “хазарского” типов луков (рис. 9) предполагает возможность технологического развития данного оружия в какой то одной экологической, культурно-исторической или государственно-политической среде. Такой средой на рубеже VII–VIII вв. мог быть только Хазарский каганат. Эволюция “тюрко-хазарского” сложносоставного лука и появление на его непосредственной основе лука “хазарской” технологии объясняется не субъективными изменениями этнической структуры населения каганата, а объективными причинами экологического, военно-политического и экономического характера.

Айбабин 1985: А. И. Айбабин. Погребение хазарского воина. – СА, 3, 1985, 191–205.

Айбабин 1999: А. И. Айбабин. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин 2002: А. И. Айбабин. Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье. – В: Хазары. Второй Международный коллоквиум. Москва, 2002, 8–9.

Артамонов 1962: М. И. Артамонов. История хазар. Ленинград, 1962.

Атавин 1996: А. Г. Атавин. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья. – В: Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996, 209–264.

Багаутдинов и др. 1998: Р. С. Багаутдинов, А. В. Богачев, С. Э. Зубов. Праболгара на Средней Волге. Самара, 1998.

Балабанова, в печати: М. А. Балабанова. Краниологические варианты и происхождение населения Нижнего Поволжья раннего средневековья. – Донская Археология. Ростов-на-Дону (в печати).

Баранов 1990: И. А. Баранов. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Батиева, в печати: Е. Ф. Батиева. К вопросу об антропологических особенностях населения Нижнего Подонья в хазарское время. – Донская Археология. Ростов-на-Дону (в печати).

Бахши Иман 1993: Бахши Иман Джагфар тарихы. Свод болгарских летописей. Оренбург, 1993.

Бернштам 1940: А. Я. Бернштам. Кенкольский могильник. Ленинград, 1940.

Богачев 2003: А. В. Богачев. Сокровища великого хана. Самара, 2003.

Засецкая 1994: И. П. Засецкая. Культура кочевников южнорусских степей в гунскую эпоху (конец IV–V вв.). Санкт-Петербург, 1994.

Йотов 2004: В. Йотов. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна – Велико Търново, 2004.

Клейн и др. 1972: Л. С. Клейн, Б. А. Раев, А. И. Семенов, А. В. Субботин. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону. – В: Археологические открытия 1971 г. Москва, 1972, 133–134.

Кожомбердиев, Худяков 1987: И. К. Кожомбердиев, Ю. С. Худяков. Комплекс вооружения кенкольского воина. – В: Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987, 75–106.

Комар 1999: А. В. Комар. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии). – *Vita Antiqua*, 2, 1999, 111–136.

Комар 2000а: А. В. Комар. Горизонт Столбище – Старокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры. – *Finno-Ugrica*, 1(4). Казань, 2000, 42–66.

Комар 2000б: А. В. Комар. Ранні хозари у Північному Причорномор'ї. – Археологія, 1. Киев, 2000, 130–142.

Комар 2001а: А. В. Комар. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов. – Степи Европы в эпоху средневековья, 2. Донецк, 2001, 11–44.

Комар 2001б: А. В. Комар. “Кубрат” и “Велика България”: проблеми джерелознавчого аналізу. – *Сходознавство*, 13–14, 2001, 133–155.

Комар 2004: А. В. Комар. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. – В: Сугдейский сборник. Киев – Судак, 2004, 169–200.

Круглов 1991: Е. В. Круглов. К проблеме выделения раннехазарских памятников. – В: VIII-я конференция профессорско-преподавательского состава Волгу. Волгоград, 1991, 27–28.

Круглов 1992а: Е. В. Круглов. К проблеме выделения и этнокультурной атрибуции раннехазарских археологических памятников. – В: Востокведение в Башкортостане: история, культура, 2. Уфа, 1992, 89–91.

Круглов 1992б: Е. В. Круглов. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности. – В: Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992, 32–37.

Круглов 1992с: Е. В. Круглов. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности. – В: Межрегиональная конференция “Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды”. Волгоград, 1992, 13–16.

Круглов 1992d: Е. В. Круглов. Хазарские погребения на реке Аксай. – Древности Волго-Донских степей, 2, 1992, 145–159.

Круглов 2002: Е. В. Круглов. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях. – Хазарский альманах, 1, 2002, 79–93.

Круглов 2003: Е. В. Круглов. Сложные луки Восточной Европы раннего средневековья. – В: Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее, II. Москва, 2003, 117–120.

Круглов 2004a: Е. В. Круглов. Погребение раннехазарского времени у с. Сидоры (в печати).

Круглов 2004b: Е. В. Круглов. Раннесредневековый кенотаф у х. Жирноклеевский. – В: Материалы и исследования по археологии Дона, 2. Москва – Ростов-на-Дону (в печати).

Кубарев, Журавлева 2000: Г. В. Кубарев, А. Д. Журавлева. Древнетюркская керамика Алтая. – Гуманитарные науки в Сибири, 3. Новосибирск, 2000, 25–31.

Курманкулов 1980: Ж. Курманкулов. Погребение воина раннетюркского времени. – В: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, 191–197.

Левина 1996: Л. М. Левина. Этокультурная история Восточного Приаралья. Москва, 1996.

Магомедов 1981: М. Г. Магомедов. Население Приморского Дагестана в VII–VIII вв. – Плиска-Преслав, 2, 1981, 109–126.

Мажитов 1977: Н. А. Мажитов. Южный Урал в XII–XIV вв. Москва, 1977.

Мажитов 1981: Н. А. Мажитов. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. Москва, 1981.

Матвеева 1997: Г. И. Матвеева. Могильники ранних болгар на Самарской луке. Самара, 1997.

Матвеев, Цыбин 2004: Ю. П. Матвеев, М. В. Цыбин. Таганский грунтовой могильник. Воронеж, 2004.

Медведев 1966: А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. (САИ. Вып. Е1–36). Москва, 1966.

Мыськов 1993: Е. П. Мыськов. Погребения кочевников IX–XI вв. на Ахтубе. – Древности Волго-Донских степей, 3. Волгоград, 1993, 69–83.

Николаева 1986: Э. Я. Николаева. Находки оружия на Ильичевском городище. – В: Проблемы античной культуры. Москва, 1986, 183–188.

Овчинникова 1990: Б. Б. Овчинникова. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.

Орлов 1985: Р. С. Орлов. Культура кочевников IV–VIII вв. – В: Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985, 98–105.

- Орлов, Рассамакин 1996:** Р. С. Орлов, Ю. Я. Рассамакин. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья. – В: Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996, 102–116.
- Парусимов 1998:** И. Н. Парусимов. Раскопки курганов в Зимовниковском районе. – Труды Новочеркасской археологической экспедиции, 3. Новочеркасск, 1998, 4–43.
- Плахов 1988:** В. В. Плахов. Отчет о раскопках грунтового могильника у п. Комсомольский Астраханской области за 1988 г. – Архив Астраханского краеведческого музея-заповедника. Дело б/н.
- Плетнева 1967:** С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. Москва, 1967.
- Плетнева 1982:** С. А. Плетнева. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. Москва, 1982.
- Плетнева 1989:** С. А. Плетнева. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, 1989.
- Плетнева 2003:** С. А. Плетнева. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003.
- Пуздровский и др. 1999:** А. Е. Пуздровский, Ю. П. Зайцев, И. И. Неволя. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике. – Херсонесский сборник, 10. Севастополь, 1999, 194–207.
- Рашев 1993:** Р. Рашев. К вопросу о происхождении праболгар. – МАИИЭТ, 3. Симферополь, 1993, 250–254.
- Рашев 1998:** Р. Рашев. О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы. – Татарская Археология, 2 (3). Казань, 1998.
- Рашев 2002:** Р. Рашев. Множественность этнонимов и однообразие погребально-обрядов в степях Восточной Европы в VI–VII вв. – В: Хазары. Второй Международный коллоквиум. Москва, 2002, 86–87.
- Рашев 2004:** Р. Рашев. Прабългарите през V–VII век (второ допълнено издание). София, 2004.
- Савин, Семенов 1989:** А. М. Савин, А. И. Семенов. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья. – В: I-я Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1989, 104–107.
- Савин, Семенов 1990:** А. М. Савин, А. И. Семенов. К реконструкции лука хазарского времени. – В: Проблемы исследования памятников археологии Северного Донца. Луганск, 1990, 169–171.
- Савин, Семенов 1991:** А. М. Савин, А. И. Семенов. Обкладки луков раннеболгарского периода. – В: Болгаристика в системе общественных наук. Харьков, 1991, 6–7.
- Савин, Семенов 1992а:** А. М. Савин, А. И. Семенов. Кудыргинские лучники. – В: Проблемы сохранения, изучения и использования памятников археологии. Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992, 78–80.

Савин, Семенов 1992b: А. М. Савин, А. И. Семенов. Реконструкция Шестовицкого лука. – В: Архітурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернигов, 1992, 62–67.

Савин, Семенов 1992с: А. М. Савин, А. И. Семенов. Средневековый лук из находки на р. Гогопс (по материалам архива М. П. Грязнова). – В: Северная Евразия от древности до средневековья: К 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Санкт-Петербург, 1992, 201–205.

Савин, Семенов 1995: А. М. Савин, А. И. Семенов. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков. – В: Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1995, 74–77.

Савин, Семенов 1997: А. М. Савин, А. И. Семенов. Забытые, неопознанные и незамеченные луки гунно-болгарского типа. – В: Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1997, 63–64.

Савин, Семенов 1998: А. М. Савин, А. И. Семенов. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа. – В: Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Санкт-Петербург, 1998, 290–295.

Савин, Семенов 1999: А. М. Савин, А. И. Семенов. Лук хазарского времени из могильника Керчик, курган 27. – Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Азов, 4, 1999, 27–28.

Семенов 1996: А. И. Семенов. Луки Верхнего Чирюрта: проблемы культурной атрибуции. – В: Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX-е Крупновские чтения). Москва, 1996, 137–140.

Синицын 1954: И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. – Ученые записки Саратовского государственного университета, 39. Саратов, 1954, 230–254.

Скворцов 1999: Н. Б. Скворцов. Отчет об охранных археологических раскопках в Николаевском и Урюпинском районах Волгоградской области в 1999 г. – Архив Волгоградского областного краеведческого музея. Дело № 149.

Смоляк 1999: А. Р. Смоляк. Исследование памятников археологии на острове Поречный в 1992–1997 гг. (Итоги и перспективы). – В: История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Ростов-на-Дону, 1999, 48–53.

Соловьев 1987: А. И. Соловьев. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987.

Станчева 1981: М. Станчева. Сердика и прабългарите. – Плиска-Преслав, 2, 1981, 187–189.

Тортіка 1999: О. О. Тортіка. Історична географія та населення Великої Болгарії (630–660 рр. н.е.): Методика дослідження кочових суспільств середньовіччя. Автореф. канд. дис. Харків, 1999.

Флёров 2000: В. С. Флёров. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. Москва, 2000.

Хазанов 1966: А. М. Хазанов. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. – В: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1966, 29–44.

Хазанов 1971: А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. Москва, 1971.

Худяков 1986: Ю. С. Худяков. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Цукерман 2001: К. Цукерман. Хазары и Византия: первые контакты. – МАИЭТ, 8. Симферополь, 2001, 312–333.

Шеллов 1972: Д. Б. Шеллов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. Москва, 1972.

Шилов 1960: В. П. Шилов. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1960 г. – Архив Института Археологии Российской Академии Наук. Р-1. Д. № 2155.

Шилов 1975: В. П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Ленинград, 1975.

Щепинский, Черепанова 1969: А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова. Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969.

Alföldi 1932: A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. – AN, IX, 1932.

Sebestyen 1930: K. Sebestyen. Rejetelyes csontok nepvandorlaskori sirokban. – In: Dolgozatok a M. Kir Ferenz Jozsef Tudomanyegetem Archeologiai Intezetebol. Szeged, 1930.

HAZARIAN PERIOD COMPLEX COMPONENTS BOWS OF EASTERN EUROPE

EVGENIY KRUGLOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)

This article investigates the residues of complex components bows – one of the principal types of distant fighting arms of steppe nomads of the Early Middle Ages. Main designing and technological differences of this weapon are being determined by the author not due to number of horny cover plates, but by specific peculiarities of their manufacture and fastening to a hooked cart (nomad tent). The author gives characteristics and classification of two main designs of complex components bows of the early Eastern Europe Middle Ages – “Turkic-khazar” (“hun-bulgarian”, due to A. M. Savin and A. I. Semenov’s terminology) and a “Khazar” one. The article criticizes opinions of A. M. Savin and A. I. Semenov about exclusive use of “Turkic-khazar” bow only by prabulgars of Eastern Pre-Azov area. A principal deduction has been made regarding Central Asian ancient turkic origin of “Turkic-khazar” bow type. Appearance of this weapon in the middle of 7th century on the territory of Eastern Europe the author links with the Khazar Kaganate formation, which was reigned by the representatives of elite turkic clan Ashin. The author revealed unpracticality of “Turkic-khazar” type bow because in ecology and climatic conditions of the Eastern Europe of 7th century and showed the objective inevitability of its modification. The mechanism of designing and technical evolutionary development of “Turkic-khazar” bow into the arms of “Khazar” type, has been shown on actual examples.